
ОГОНЁК
№ 31 АВГУСТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ф 119-7

В бой вступили главные силы.

Начальник путевой машинной станции Николай Иванович Ачкасов.

СЕГОДНЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 31 (1988)

1 АВГУСТА 1965

Как мало похоже современное железнодорожное полотно на дорогу начала нашего столетия! Вместо коротеньких, жиденьких рельсов лежат мощные, тяжелые, восьмисотметровые. Вместо непрочных деревянных шпал — железобетонные. Вместо песчаного балласта — щебенка. Сколько труда, ежедневного, кропотливого труда путевых обходчиков, рабочих, инженеров заложено в каждый метр пути!

С одним из создателей современных железных дорог, начальником первой опытной путевой машинной станции (ПМС) Николаем Ивановичем Ачкасовым, я познакомился в старинном маленьком, приспособленном под контору вагоне, поставленном на вечный «прикол».

— Я,— начал свой рассказ Николай Иванович,— железнодорожник потомственный. Мой отец проработал на железной дороге пятьдесят лет. Помню, еще мальчишкой я видел, как ремонтировалась и строилась тогда дорога. Весь инструмент — лом, лопата, гаечный ключ да лапа для выдергивания костылей. Возводить насыпи съезжались грабари-сезонники, землю и балласт возили на лошадях. А теперь? Ну, об этом говорить не стоит, побывайте у нас на «окне», увидите...

«Окно»... Непростое дело. Это значит прекратить на какой-то срок движение поездов на участке железной дороги, чтобы дать путейцам возможность заменить или отремонтировать путь.

«Окно» напоминает военную наступательную операцию. За несколько месяцев производится разведка, определяются границы и время производства работ. Затем специальным приказом министра или его заместителя «окно» заранее закладывается в диспетчерский график движения поездов. Выйти из графика, увеличить время, отведенное на «окно»,— чрезвычайное происшествие на транспорте. Путейцы «до зубов» вооружены мощной современной техникой. Но техника техникой, а подготовиться к «окну», сделать все, что можно, заранее расположить все под рукой, чтобы потом не случилось непредвиденной задержки,—дело первейшей важности.

...Всю ночь на путях лязгают буфера вагонов: это трудяга маневровый тепловоз перетасовывает платформы. Завтра «окно», во время которого предстоит полностью заменить километр пути. На это отведено ровно три часа, ни минуты больше.

База ПМС — место, где собираются звенья: рельсы и прикрепленные к ним шпалы. Рука человека почти не притрагивается к будущему пути. Краны разгружают железобетонные шпалы, раскладывают их на специальные стеллажи, потом к ним крепятся рельсы.

Наконец, необходимое количество звеньев погружено на платформы, бункера хопперов-дозаторов полностью засыпаны щебнем.

Поезда, поезда, поезда...

АТНЫЙ ПУТЬ

Сформирован рабочий поезд — длиной почти с километр.

Николай Иванович еще раз обходит его, оценивая наметанным глазом — все ли, так ли...

И только после этого уходит соснуть часок-другой перед «окном».

Выезжаем на перегон в пять утра. Хотя «окно» начинается в девять, на исходный рубеж надо выехать заранее. Наш поезд тащится медленно, пропуская вперед пассажирские и товарные. Стрелка часов приближается к девяти. Наконец, перегон закрыт. Сигнал начальника колонны и — грянул «бой».

Редко когда приходится видеть такую мастерски слаженную работу, как во время «окна». Никаких перекуров, никаких посторонних разговоров.

Ачкасов посматривает на часы: за двенадцать минут вместо отведенных тридцати нож щебнеочистительной машины (ЩОМ) подведен под путь. Машина неторопливо трогается. Далеко в сторону летят мусор и грязь. Позади остается чистый щебень, поверх которого лежит приподнятый путь.

— Идем с опережением,— улыбается Ачкасов.

Вслед за ЩОМ начинает работать путеразборщик. Не успел он пройти и полсотни метров, как ему в хвост пристроился трактор-планировщик. Что-то вроде бульдозера, только работает более точно. Позади него, приплясывая на бесконечном количестве ног-трамбовок, движется уплотнительная машина. За ней в действие вступает агрегат «главного калибра» — путеукладчик. Он снимает новые звенья с платформы и укладывает их перед собой на балластную призму. По пути — который сам для себя уложил — путеукладчик движется с довольно большой скоростью, что называется, «наступая на пятки» трамбовщика-уплотнителя.

Смешная история произошла с кинооператором, приехавшим снимать работу путеукладчика. Он заранее приготовился к съемке, выбрал точку, установил камеру на тяжелом штативе.

— Понимаете,— рассказывал он потом,— не успел я навести на фокус, как путеукладчик промчался мимо меня. Какие тут к черту штативы... Схватил ручную камеру и — бегом. Еле успел снять.

...Двенадцать ноль-ноль. Машины отведены на ближайшую станцию. Установлены стыковые накладки. Затянуты болты. На новый путь тихим ходом осторожно въезжает экспресс. А где-то за сотни километров облегченно вздыхает дежурный диспетчер.

— Ну как?— спрашиваю я у начальника колонны Анатолия Васильевича Часовских. — Готов «бархатный» путь?

— Как бы не так,— вздыхает тот.— Мороки хватит. Надо еще раз поднять его балластером, подсыпать щебня, выровнять. А потом — на обкатку. Недели три... Только после этого можно укладывать восьмисотметровые рельсы вместо теперешних коротких. Вот тогда путь будет «бархатным». Скорость — сто шестьдесят, а чувствовать себя будете, как в люльке.

И Анатолий Васильевич, устало ступая по хрупающему щебню, отправляется к полевому телефону сообщить диспетчеру об открытии движения, о том, что закрыто «окно».

* * *

В Ленинград я ехал ночным скорым поездом. И хотя место мне досталось самое что ни на есть плохое — верхнее, в последнем купе последнего вагона,— я особенно не огорчался. Я уже знал, что вагон, хоть он и идет в хвосте поезда, болтаться не будет. Путь-то ведь, по которому предстояло ехать, «бархатный».

НАГРАДЫ СТРАЖАМ МОРЕЙ

Бессмертен ратный подвиг легендарных советских моряков, вписавших не одну славную страницу в историю нашей страны. В годы Великой Отечественной войны они явили пример беззаветной отваги и мужества. Родина высоко ценит своих героев. Ныне, в двадцатую годовщину великой Победы, наш народ с радостью узнал о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР город-герой Севастополь награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». Указами Президиума Верховного Совета СССР Черноморский, Тихоокеанский, Северный и Балтийский флоты награждены орденами Красного Знамени.

В Балтийске член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин вручил второй орден Красного Знамени Балтийскому флоту. На торжественном заседании в Севастополе член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Н. В. Подгорный вручил награды. Во Владивостоке член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А. П. Кириленко вручил орден Красного Знамени Тихоокеанскому флоту. В Североморске член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Шелепин вручил орден Красного Знамени Северному флоту.

Фото К. Куличенко.

СЛЕД

МОЯ НЕНЬКО

«Мне было семь лет,— пишет студент из Киева В. Клименко,— когда я узнал от своих сверстников, что у меня не родная мать. «У тебя мачеха!» — кричали мальчишки. Я прибежал домой. Она стояла возле летней плитки и готовила скудный обед. Остановившись недалеко от нее, я на всю улицу закричал: «Мачеха, мачеха!» Она подняла голову и долго-долго смотрела на меня, пока не покатились по ее щекам слезы.

Много позднее, повзрослев, я понял ее молчаливый ответ.

Есть в Черкасской области село Васильково. Оно ничем не отличается от других сел Украины. Но оно для меня самое дорогое, потому что там живет моя любимая мама, добрая, простая женщина, Марфа Сакиевна Онай. Судьба ее сложилась так, что она вышла замуж за вдовца с двумя девочками, Аней и Олей. Марфа заменила им мать. В войну муж ушел на фронт, да так и не вернулся — пал смертью храбрых под Берлином. Марфа вырастила девочек, послала учиться в техникум. Тогда и встретился ей мой отец. Мне было всего четыре года. Родную мою мать расстреляли фашисты.

Заботясь о «своих студентках» (так она называла дочек), Марфа Сакиевна воспитывала и меня. После работы на колхозном поле, уставшая, возвращалась домой. А дома — заботы по хозяйству. И только поздно вечером садилась за стол и помогала мне решать задачки по арифметике.

Позже, в седьмом классе, я опять увидел мать в слезах. Обидел ее отец. Как она тяжко переживала свое горе! И помочь я ничем не мог, хотя и понимал, что могу остаться без нее. Приехала Ольга, звала маму к себе. На всю

ВЫСТАВ

Лувр — французская сокровищница искусства. Кто из нас не мечтал побывать в нем! И вот парижский Лувр вместе с другими музеями Франции приехал в Москву. Более пятидесяти картин французских и западноевропейских мастеров XV — XIX веков выставлены в трех залах московского Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Открывая великолепную выставку, министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева охарактеризовала ее как новое яркое событие в долголетнем и благотворном культурном сотрудничестве народов нашей страны и Франции. А посол Франции в СССР господин Ф. Бодэ сказал, что мировая практика не знала еще случая обмена столь превосходными выставками, как те, что открываются в эти дни в Москве и Париже.

Столица Франции принимает превосходную коллекцию картин своих великих соотечественников из собрания Эрмитажа и Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, а москвичи подолгу стоят перед творениями Боттичелли, Клуэ, Тициана, Рембрандта, Хальса, Давида, Гойи, Делакруа, Коро, Мане...

И не только москвичи.

Каждый, кому посчастливится приехать в эти дни в Москву или только быть в столице проездом, непременно задержится лишний день, чтобы увидеть мировые шедевры живописи.

Фото А. Бочинина.

В МОЕЙ ЖИЗНИ

Напечатав воспоминания бывшего подрывника Владимира Казначеева «Не подведу тебя, комиссар!» («Огонек» № 3, 1965 г.), редакция обратилась к читателям журнала с просьбой рассказать о людях, которые оставили в их жизни памятный след, сыграли решающую роль. И вот на редакционном столе отклики наших читателей. Некоторые из них мы публикуем.

жизнь остался в моей памяти тот январский вечер 1953 года. Кое-как приготовил уроки и лег спать. Глаза закрыл, но все слышу. «Спасибо, дочка,— сказала она Ольге,— никуда я не поеду. Я люблю его так же, как и вас. Вы все мои дети, и он мой сын». Это она обо мне.

По-прежнему я ходил в школу. И какой гордостью сияли ее глаза, когда я принес домой аттестат зрелости. Потом поехал в Донбасс, на шахту. Как ждал я письма от нее, от матери! Теперь я учусь в университете. Я всегда горжусь тобой, моя родная ненько!»

ДВОЮРОДНАЯ МАМА

Еще одно письмо. Прислала его геолог Алла Клаас. В 1954 году Алла окончила Криворожский горный техникум и получила направление в поселок Акчатау, Карагандинской области.

«Было грустно,— вспоминает Алла.— Ехала одна... В Караганде в вагон вошла женщина высокого роста, немолодая, с правильными чертами лица, с очень живыми карими глазами. Каштановые волосы были уложены короной. Мы разговорились. Она оказалась заместителем начальника отдела технического снабжения рудника.

Удивительна судьба Нины Петровны Никитиной. Член КПСС с 1925 года, она до 1938 года заведовала отделом культуры Новосибирского обкома партии, ее муж работал там же. В 1937 году его «взяли», а годом позже и ее. Десять лет в лагере, потом — Акчатау. Человек большой души, высокой культуры, выходец из потомственной рабочей семьи Ивановых из Питера, она была объявлена врагом народа. Несмотря на все пережитое, Нина Петровна не согнулась, не перестала быть коммунистом.

Никитина приняла огромное участие в моей судьбе, взяла в свою семью не только меня, но и мою соученицу, Веру Балан. Внимательно и строго следила за началом нашей самостоятельной работы, настояла, чтобы мы пошли участковыми геологами в горный цех, именно в горный, а не в рудоуправление. Искренне радовалась, когда меня избрали комсоргом, а Веру — профоргом шахты. В шутку мы называли ее «двоюродной мамой».

В 1956 году Нину Петровну полностью реабилитировали, ей вернули партбилет. Она была глубоко потрясена. Две недели мы боялись за ее здоровье, не отходили от нее ни на шаг...

Нина Петровна рекомендовала меня кандидатом в члены КПСС — как бы дала путевку в большую жизнь!.. Многим, что во мне есть хорошего, я обязана именно ей — Нине Петровне Никитиной, ее материнскому отношению ко мне, ее человеколюбию, ее мудрости».

НИКОЛАЙ ИЗ-ПОД КАЛУГИ

Многие письма возвращают нас к годам Великой Отечественной войны. Гвардии подполковник запаса Е. Дербишер рассказывает, как спас ему жизнь на поле боя солдат, который даже не назвал своего имени. Произошло это близ Рославля. В перестрелке Дербишер был ранен, потерял сознание, а когда очнулся, свои были уже далеко. К пригорку двигались немецкие солдаты. Превозмогая боль, Дербишер выпустил по ним очередь из автомата. Когда кончились патроны, достал пистолет и привязал к гранате документы. «В этот момент сзади послышался шорох,— пишет Е. П. Дербишер.— Обошли... понял я и схватился за гранату. И вдруг по врагам весело и бойко застрочил автомат. Слышу: «Отходите, товарищ капитан, я вас прикрою». Из-за кустов показался невзрачный, очень маленький солдат... «Я ранен,— кричу ему,— и двигаться не могу. Немедленно уходите, иначе погибнем оба»,— приказал я. Солдат, не говоря ни слова, как-то очень ловко подполз под меня, словно поднырнул, и я оказался у него на спине. Целый день 8 августа 1941 года — это день второго моего рождения — тащил меня солдат. Когда уже не было слышно выстрелов, стащил с моей ноги сапог и наложил мне повязку. Солдат был немногословен, мне не удалось даже узнать его фамилию. Сказал только, что зовут Николаем, а сам он из-под Калуги. Может быть, он жив и прочтет эти строки? Пусть знает: я склоняю перед ним свою голову».

СПАСИБО, ДОКТОР!

Л. Ф. Бирюкова из Донецка сообщает о замечательном враче, с которым столкнула ее судьба. В. Ф. Соколовский работал в оккупированной немцами Керчи. «Многих людей,— пишет Бирюкова,— выдавая им различные справки о тяжелых болезнях, избавил Соколовский от угона в Германию и от работы на фашистов. В том числе и меня и моего мужа. Однажды он пришел к нам очень взволнованный. Оказывается, произошло вот что. Вызвал его главный военный доктор и спрашивает: «Почему у вас, Соколовский, такой высокий процент освобожденных от работ? Вы кто — партизанский врач?..»

Соколовский спокойно ответил: «Если находите мои действия неправильными, можете меня уволить». Немец хлопнул дверью и ушел. Врачей было очень мало в городе.

Но этим разговором дело не обошлось. Потом я видела Соколовского в колонне советских военнопленных, которых гнали по улице. Соколовский узнал меня, помахал рукой.

Позже я встретила фамилию доктора Соколовского в книге «За колючей проволокой», в которой описывался Освенцим. Может быть, это тот же, наш керченский Соколовский? Если он жив, пусть напишет».

ДОВЕРИЕ

Ф. И. Мороз из Одесской области приводит другой пример:

«В 1952 году я решил поступить учиться в педагогическое училище. И вот я в кабинете директора Алексея Александровича Морозова. Рассказываю ему, что еще в 1935 году окончил школу в Белоруссии, сейчас документа нет, но со временем представлю. И еще сказал: «Буду учиться на «отлично». Даю вам честное партийное слово».

Алексей Александрович посмотрел на меня и только спросил: «Бывший фронтовик?» Я ответил утвердительно. На моем заявлении появилась резолюция: «Допустить к экзамену без документов». Это было для меня все! Вступительные экзамены я сдал успешно. Слово, данное директору, помнил всегда.

Недавно я окончил Одесский университет. Сейчас преподаю историю в Затишинской средней школе. Доверие Алексея Александровича Морозова я очень ценю и всегда буду помнить этого человека».

КА ШЕДЕВРОВ

ПРИЕХАЛИ ПОУЧИТЬСЯ

Успешные гастроли советских танцоров по Америке в свое время вызвали не только бурный восторг у заокеанских зрителей, но и желание более глубоко познакомиться с нашими танцами. И вот в Киев прибыли десять юношей и девушек из Нью-Йорка, Детройта и других городов Соединенных Штатов Америки. Это гости Украинского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Каждый день они посещают Октябрьский дворец культуры и здесь под руководством опытных преподавателей и концертмейстера овладевают искусством украинского танца.

В свободное время гости знакомятся с Киевом, с жизнью республики.

В недалеком будущем они повезут образцы народного танцевального искусства за океан.

Д. ПРИКОРДОННЫЙ,
собкор «Огонька»

Аполло Милтон Оботе и сопровождающие его лица в Ленинграде, у памятника защитникам города.

Фото В. Будана и В. Мусаэльяна (ТАСС).

ПРИВЕТСТВУЕМ ГОСТЕЙ

На советской земле — гости из Африки: Премьер-Министр Уганды Аполло Милтон Оботе и Генеральный секретарь Демократической партии Гвинеи, Президент Гвинейской Республики Ахмед Секу Туре. Сердечно встречают советские люди высоких представителей африканских стран. Наши симпатии к народам Африки, сбросившим колониальные узы и строящим новую жизнь, неизменны и прочны. Приветствуя руководителей Уганды и Гвинеи на своей Родине, советский народ желает этим странам больших успехов на пути независимого развития.

Москвичи встречают Ахмеда Секу Туре.

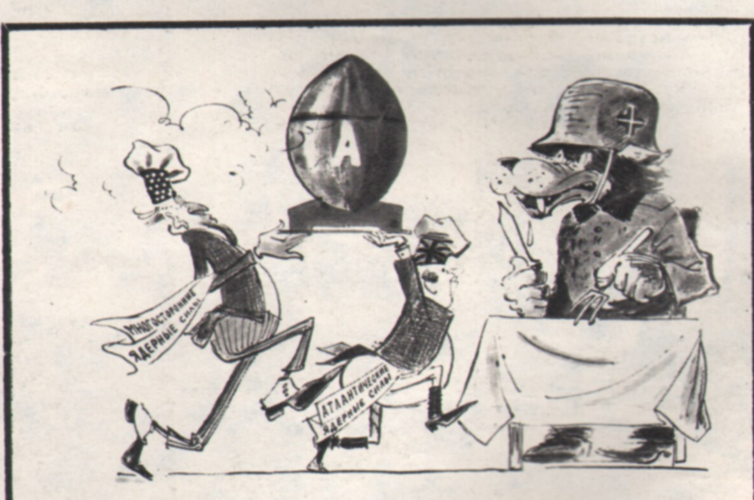
Фото М. Блохина и В. Егорова (ТАСС).

В Демократической Республике Вьетнам повсеместно созданы отряды самообороны. Бойцы этих отрядов помогают армии в отражении налетов американской авиации.

В Гуаякиле (Эквадор) состоялась антиправительственная демонстрация. В ней приняло участие более 20 тысяч человек. Власти бросили против народа полицию и парашютистов. Многие были арестованы, избиты, ранены. Гуаякиль походил на осажденный город.

ВОЛЧИЙ АППЕТИТ

США и Англия пытаются протащить проект оснащения западногерманского бундесвера ядерным оружием. (Из газет.)

Рис. В. Черникова.

Недавно Объединенная Арабская Республика отметила 13-ю годовщину революции. В Каире состоялся большой военный парад, в котором приняли участие танковые войска.

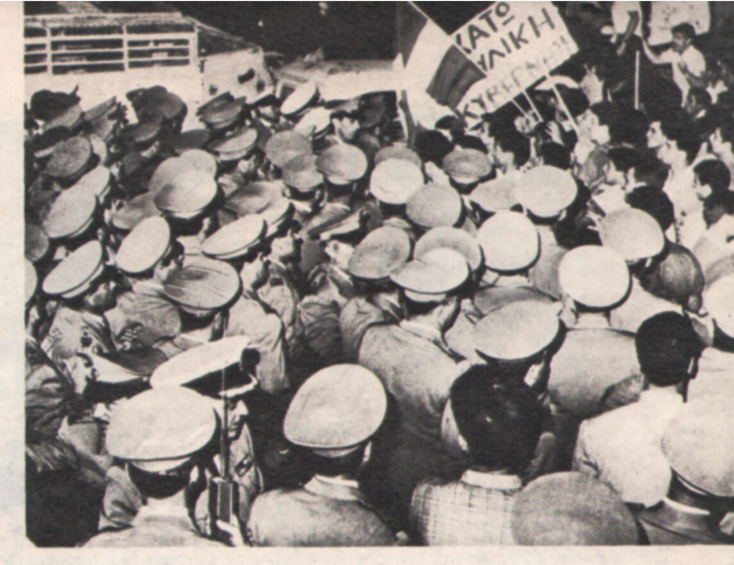

Демонстрация бастующих водителей такси в Стамбуле. Они протестуют против постановления властей, которое ограничило посадку пассажиров несколькими определенными пунктами города.

Фото ТАСС, ЮПИ.

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ

Афины. Полиция против народа.

Вся демократическая Греция, от края и до края, снова бурлит, клокочет. «Осуществление настоящей конституции — дело патриотизма греков» — так гласит последняя, 114-я статья греческой конституции. Эта символическая цифра 114 написана на знаменах борющихся греков. «1-1-4» гремит сейчас по всей Греции.

«Да здравствует демократия!», «Фашизм не пройдет!», «Долой дворцовый переворот!» — вот лозунги борьбы, которые выдвигает народ во главе с рабочим классом.

Греция — эта древняя колыбель демократии — со времен славных дней Сопротивления не знала такого размаха движения, таких демонстраций, такого боевого духа, такого всеобщего подъема.

Король нарушил конституцию. Он хотел поставить законного премьер-министра страны «под диктат». Вынудил его уйти в отставку. Но дело касается не премьера, а всего народа.

Греческий народ отстранил от власти режим тирании правых. Впервые в истории страны народ своим большинством привел к власти Союз центра. Было сформировано правительство Папандреу. Народ голосовал за Союз центра, так как он обещал народу демократию, мир, подъем жизненного уровня. Правительство Папандреу провело ряд позитивных мероприятий и под давлением народа проявило некоторое сопротивление иностранным империалистам. Правые, королевский двор и их опора — американские империалисты и НАТО — перешли в контрнаступление. Они хотят помешать демократизации страны, ограничить решение кипрского вопроса рамками НАТО, втянуть Грецию в грязную войну во Вьетнаме, распространить свои планы военных авантюр на Балканы.

Под давлением двора Г. Папандреу вопреки мнению партии назначил на пост министра национальной обороны промышленника Петроса Гаруфалиаса, агента правых. Таким образом он отдалил от правительства армию и согласился на то, чтоб армия стала вотчиной двора и НАТО. Теперь Г. Папандреу признает, что Гаруфалиас не был «его» министром и получал указания не от правительства, а от других. Теперь Папандреу признает, что своевременно не приступил к чистке государственного аппарата от ставленников правых и Караманлиса.

Когда Папандреу захотел отстранить Гаруфалиаса, король воспротивился. Он отказал в доверии премьер-министру, не разрешил ему занять пост министра национальной обороны. Король направил премьер-министру три послания. Дух средневековой монархии витал в каждом их слове. Средние века стучали в двери греков. И они вышли на улицы. Греки почувствовали, как до глубины оскорбляется их национальная гордость и свободолюбие. Они вступили в борьбу.

Незадолго до свержения законного правительства американцы требовали от двора сформирования нового правительства, которое было бы в их полном подчинении. Они потребовали от греческого правительства посылки войск в Южный Вьетнам. Г. Папандреу отказался. Гаруфалиас и король согласились.

За две-три ночи до дворцового переворота зеленый «мерседес» под номером 1-X-100636 доставил в Афины мистера Барэна — руководителя греческого отдела американского госдепартамента. Барэн встретился с участниками предстоящего переворота. Были составлены планы. Очевидно, Барэн привез с собой богатую подачку. Именно в эти дни американцы для подкупа депутатов парламента выделили полмиллиарда драхм.

Народ борется. Заговорщики перешли к насилию. Пролилась кровь участников демонстрации студентов. Мертв студент Сотириос Петрулас. Двадцатая жертва в семье Петруласа со времен гитлеровского фашизма.

Народ Афин хоронил молодого героя с почестями, которые были достойны его великой жертвы. Похороны вылились во всенародную демонстрацию. «Долой правительство убийц!» Этими словами океан людей прощался с Петруласом.

«Лжеправительство предательства народной воли и крови», как его называл Г. Папандреу, уже сейчас мертво. Даже за темными кулисами, где оно было создано, не сомневаются в этом.

Двор, правые и, как всегда, стоящие за ними американские империалисты сейчас отчаянно пытаются изобрести что-нибудь, чтобы оправдать совершенный переворот и ослабить народный гнев.

Народ требует сформирования правительства в соответствии с наказом, выраженным на выборах 16 февраля 1964 года, когда был избран настоящий парламент. Эту волю народа отражает и заявление ЦК Коммунистической партии Греции, в котором подчеркивается:

«Должно быть сформировано правительство в соответствии с решением народа, вынесенным 16 февраля 1964 года. Конституционные права и свободы народа должны быть восстановлены».

Окончательное слово принадлежит народу. Народ может заставить выполнить свою волю, если он продолжит массовую борьбу за демократию, за свои гражданские права.

Одиссей КОРФИАТИС

Афины, июль.

Жертва «демократии».

Фото ЮПИ.

Выступает бывший премьер-министр Г. Папандреу.

СПОДВИЖНИК ИЛЬИЧА

К 100-летию со дня рождения П. Стучки

П. И. Стучка.

Сын латышского крестьянина Петр Стучка окончил в 1888 году юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы начал участвовать в революционном движении, был связан с братом Владимира Ильича — Александром Ульяновым. Вернувшись в Ригу, Стучка редактирует демократическую газету «Диенас Лапа». После ее закрытия в 1897 году редактора арестовывают и ссылают на пять лет в Вятскую губернию. В Ригу ему удается вернуться только в 1906 году, но уже на следующий год царские власти высылают Стучку из Латвии.

Стучка пишет статьи, публикуемые в латышских и русских партийных изданиях, переводит на латышский язык первый том «Капитала». С его именем связано основание социал-демократии Латышского края (впоследствии Коммунистической партии Латвии).

А когда победил Октябрь, партия поручает давнему, испытанному соратнику Ленина пост советского наркома юстиции. Стучка разрабатывает «Декрет о суде», принятый Совнаркомом в ноябре 1917 года. В историю Советского государства Петр Стучка вошел как основоположник и крупнейший теоретик советского права.

Наряду с этим он член ЦК Компартии Латвии, ее представитель в Исполкоме Коммунистического Интернационала. Ему доверен высокий пост председателя Интернациональной контрольной комиссии. Старые латыши помнят, как в 1918—1919 годах Стучка был председателем Советского правительства Латвии.

Он был разносторонне одаренным человеком. Писать Стучка умел остро и доходчиво, был он публицистом весьма редкого, своеобразного дарования. Печатался до революции то под псевдонимом «§», то под партийной кличкой «Ветеран», то под своей фамилией. Литературное наследство его огромно. Заполняя однажды одну из анкет, Стучка ответил на вопрос о печатных произведениях: «Писал так много, что нет возможности вкратце перечислить...»

Многие свои произведения Стучка посвящает пропаганде идей ленинизма. Часть его рукописей и документов хранится ныне в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В заметках «Нет Ильича!» Стучка писал о Ленине: «Небывало всесторонний человек, полное слияние интеллигента и пролетария и в мысли, и в работе, и в личной жизни, свободный от всех слабостей мира сего, он одновременно человек, которому «ничто человеческое не чуждо»... Он, которого лично злейшие клеветники могли винить лишь в политическом фанатизме, одновременно бывал лучшим другом и товарищем, интереснейшим и веселым собеседником, с редким тактом подходящим к человеческим ошибкам, слабостям и страданиям друзей и товарищей и по достоинству оценивающим честь и заслуги даже непримиримейшего своего противника...» Перед этим Стучка помечает, что «при его жизни я и не решился бы все это написать — из-за искренней ненависти Ильича ко всяким подобным излияниям чувств и чествованиям». Стучка пишет, что наша молодежь должна учиться ленинизму «не для того, чтобы сделаться «вторыми Лениными» — Ленины только один раз бывают во всей истории,— но для того, чтобы, изучив до совершенства его и его методы, благодаря этой науке делать скромное, но свое дело».

Ф. МЕЖЛАУК

■

Окно в космические дали

Разработан проект коренной реконструкции Московского планетария, существующего с 1929 года. Нынешнее здание планетария на Садово-Кудринской улице будет расширено. В двухсветном круглом зале разместятся экспозиции двух выставок — «Космос» и «Наука о Вселенной». На плафоне воспроизводится «планетарий Коперника» — система планет, движущихся по круговым орбитам. Намечено оборудовать пункт для приема сигналов искусственных спутников Земли.

В другом зале — аудитория на четыреста мест с широкоэкранной киноустановкой, диапозитивными проекторами. Там можно посмотреть фильм, прослушать лекцию по физике, геофизике, географии, химии. В «Звездном зале» смонтируют алюминиевый перфорированный экран и установят аппарат «Планетарий» новейшей модели. Его пришлет из ГДР народное предприятие «Цейс».

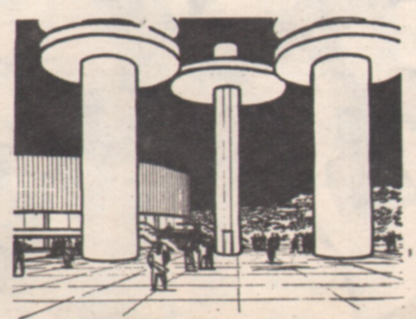
Выставки «Занимательная астрономия» и «Фантастика» рассчитаны на юных посетителей.

Возле основного корпуса — здания обсерваторий «Солнечная» и «Народная». Первую башню займет целостат. Эта система зеркал отражает солнечные лучи, достигающие Земли за 8 минут 19 секунд, и направляет их вниз, где воспроизводится на экране солнечный диск, его пятна, факелы. Кроме демонстрационного зала, в обсерватории будут помещения для фотографирования Солнца и спектрографических исследований.

В обсерватории «Народная» будет установлен телескоп. Посетители планетария, астрономы-любители смогут наблюдать здесь небесные светила.

Ан. ВЕТРОВ

Общий вид Московского планетария после реконструкции.

ПО ЗАКОНАМ КРАСОТЫ

Мир перегружен вещами. Современная промышленность выпускает миллионы различных изделий. Все ли они необходимы? Все ли удобны, красивы? На эти вопросы должна ответить техническая эстетика — молодая наука, которую называют феноменом нашей цивилизации. Она использует достижения техники и искусства, опирается на данные социологии, психологии, медицины, экономики. Ее выводы являются основой для художественного конструирования.

В Москве открылась первая в стране выставка по художественному конструированию.

...Всем знаком автомобиль-такси — обычная «Волга» с шашечками по бокам. Мы так привыкли к этой машине, что не замечаем, насколько она неудобна. Предположим, надо перевезти багаж. Водитель должен выйти, открыть багажник, погрузить туда вещи. Потом, по прибытии на место, снова

ОСЛИНЫЕ УШИ

Подданному Великобритании, бакалавру, славяноведу, преподавателю русского языка в одном из лондонских колледжей Джералду Бруку на пять лет придется «задержаться» в нашей стране. И провести эти пять лет не в туристских отелях со всеми удобствами, а в тюрьме и в исправительно-трудовой колонии со строгим режимом.

Не буду рассказывать подробности грязного дела, в котором с поличным попался Брук. Эти подробности уже сообщали газеты.

Сидя в зале судебного заседания, глядя на подсудимого, слушая его негромкий, вкрадчивый голос, я думал, что, видать, плохо обстоит дело с кадрами в так называемом народно-трудовом союзе (НТС), ежели руководители этой шайки послали Брука в нашу страну своим эмиссаром. Мне неизвестны достижения Брука в области славяноведения. Но в качестве тайного эмиссара он явно не стоит тех коктейлей, виски, которые, вербуя его, выпил с ним «Георгий» в лондонских ресторанах «Айвенго», «Бомбей», «Шмитс», ни тем более пятидесяти фунтов стерлингов, выданных эмиссару на поездку в Москву.

Кто он, этот самый «Георгий», который завлек Брука в свои преступные сети?

СЕМЬ ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ

Фельетон

За морями, за горами, в одном далеком, но не сказочном государстве, можно неплохо прожить, руководствуясь несколькими изобретенными там полезными советами. Их действенность проверена на практике.

Совет первый. Как избавиться от солдатчины?

Нужно раздобыть специальный «диплом» министерства внутренних дел, который удостоверяет, что его обладатель является «правительственным шпионом». Этот документ освобождает от военной службы. В самом деле, не может же шпион одновременно маршировать на казарменном плацу и следить за подозрительными личностями на людном городском перекрестке.

Для получения такого «диплома» не требуются годы учебы. Не требуется ни осваивать хлопотливое шпионское ремесло, ни заниматься им. Нужно просто-напросто заплатить кому надо 675 полновесных американских долларов.

Совет второй. Как заработать доллары, много долларов тем, кто все же угодил на военную службу?

Для начала необходимо внимательно проштудировать «Мертвые души» Гоголя. Затем поставить себя на место Чичикова, а своих без счета гибнущих в боях солдат — на место умерших крепостных крестьян, то есть мертвых душ. Дальше уже все просто. Остается лишь не сообщать командованию об убитых и регулярно получать причитающееся им денежное довольствие.

Совет третий. Как подзаработать тем, кто не имеет отношения к армии и занят мирным промыслом?

Для начала необходимо найти немного взрывчатки. Затем под покровом ночи устроить где-нибудь, ну, скажем, на шоссейной дороге, хотя бы небольшой взрыв. Затем сесть за стол, составить акт о случившемся, красочно описав и во много раз преувеличив причиненные разрушения. В этом же документе надо объяснить взрыв как очередную диверсию «красных» и просить денег на восстановительные работы. Когда требуемые деньги будут получены, разворовать их — плевое дело!

Совет четвертый. Как обставить свой дом, не заходя в мебельный магазин?

Зайти на главный вокзал и порыскать там по складам. При известном старании там можно найти не только оружие и военную

Таким видят художники-конструкторы один из цехов Бакинского электромашиностроительного завода.

выйти, снова открыть багажник... Попробуйте подсчитать, сколько времени теряют водители и пассажиры. На выставке мы можем увидеть новую модель такси, созданную художниками-конструкторами Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики вместе с сотрудниками НАМИ. Этот автомобиль оригинален, красив. Он на полтора метра короче и на четыреста килограммов легче «Волги». Дверцы его раздвигаются, водителя отделяет стеклянная перегородка. Багаж перевозится в просторной пассажирской кабине.

Пятьдесят видов различных электроплиток выбрасывала на прилавки магазинов наша промышленность, и все они были устаревшей конструкции, неудобны, потребляли очень много энергии. Предложена новая модель электроплитки, снабженной терморегулятором.

Мотоциклы и мотороллеры... Чем они плохи? Но, сравнив их с образцами, представленными на выставке, непременно отдашь предпочтение новым машинам — обтекаемым, удобным.

Экспонаты выставки — модели океанских лайнеров, проекты дорожных машин, пультов управления, станки, различные типы холодильников, пылесосов, телевизоров, радиоприемников, образцы мебели и одежды — наглядно демонстрируют преимущества изделий, созданных при участии художников-конструкторов.

Л. ГОРОВА

«ГЕОРГИЯ»

Наверное, среди нас — бывших партизан — нашелся бы не один, который опознал бы в «Георгии» полицая, старосту или бургомистра. Словом, одного из тех предателей, которые вместе с гитлеровскими зондеркомандами СС расстреливали, вешали, закапывали живьем мирных советских граждан.

После разгрома Гитлера самому «Георгию» уже опасно было соваться на нашу землю: ему все припомнят, все его преступления!.. И вот, чтоб выполнить задание своих хозяев, ему и понадобился Брук.

Из-под личины, в которую рядятся «Георгии», слишком явно торчат ослиные уши иностранных разведок. Потому-то Брук и получает инструкцию: если не удастся передать по назначению подрывные материалы, снесите их сотруднику английского посольства в Москве Бишопу, чтоб тот переслал назад дипломатической почтой...

Неважно чувствует себя бакалавр Джеральд Брук, пойманный с поличным. Рядом с Бруком его жена Барбара в момент задержания.

Ухищрения, мышиная возня руководителей НТС обречены на провал. И всякий брук, который окажется на нашей земле, наверняка будет разоблачен и обезврежен!

В. ПАВЛОВ

амуницию. В аккуратных контейнерах вы обнаружите мебель, холодильники, установки для искусственного климата и другие милые и полезные штучки. И пусть вас не смущает, что на контейнерах какой-то чудак написал: «Для госпиталя». Тащите себе домой! Можете при этом сунуть охраннику на бутылку виски.

Совет пятый. Как из одного доллара сделать два, не ударив при этом палец о палец?

Взять доллар и обменять его на пиастры. Но не в банке! Там за него дадут только 74 пиастра. А вот на черном рынке за свой доллар вы получите 170 пиастров. Там обычно и совершаются такие обменные операции. Где этот черный рынок? На любом перекрестке, в любой подворотне.

Перечень подобных полезных советов можно было бы значительно продолжить. Все они, как и пять приведенных выше, вертелись бы вокруг долларов, воровства и смерти. Они давно взяты на вооружение южновьетнамскими марионетками. Об этом начинает раздраженно писать даже американская пресса. Сетуя на коррупцию в высших сайгонских сферах, журнал «Тайм» пишет:

«Из всех проблем, стоящих перед Южным Вьетнамом, нет ни одной более парадоксальной и опасной, чем угроза экономической разрухи. Чем больше средств и войск Соединенные Штаты направляют в Южный Вьетнам, тем все ближе и ближе неотвратимая инфляция, этот невидимый враг, который может привести к полной катастрофе, не уступающей ни в чем поражению на войне».

Да, как видно, и долларовые инъекции не на пользу давно прогнившему режиму. Наоборот, словно тлетворные бациллы, доллары заражают и разлагают все вокруг.

Что же делать?

Посылали в Южный Вьетнам доллары и газы, морскую пехоту и генерала Тэйлора. Ничто не помогает. Тэйлор уехал не солоно хлебавши, а доллары плакали.

И вот заокеанские стратеги додумались еще до одного средства. Коль скоро все упирается в доллары, послали в Сайгон самого Юджина Блэка, в прошлом заправилу всемирного банка, а ныне специального посланника американского президента по делам Юго-Восточной Азии. Банкир-посланник был тут же принят очередным правителем, марионеткой в военном мундире по имени Ки. От него-то изумленный финансист и услышал еще один практический совет (шестой по счету в нашем изложении): как управлять страной и делать деньги в государственном масштабе.

— Я управляю страной,— гордо заявил Ки,— как воинским соединением. Если я скажу, чтобы цены на рис были изменены, то они будут изменены. Даже если придется...— Тут он сделал выразительный жест, изобразив пальцами пистолет, и прищелкнул языком, имитируя звук спущенного курка.

Придется, видно, Блэку учить правителя Ки экономике с самых азов. Но наверняка банкир Блэк преуспеет не больше, чем генерал Тэйлор, безуспешно пытавшийся научить южновьетнамское воинство сражаться и побеждать. И сам по себе напрашивается еще один полезный совет, на этот раз Блэку и другим заокеанским эмиссарам: убирайтесь из Южного Вьетнама, пока целы!

В. НИКОЛАЕВ

Слово о друге

Я всегда с каким-то особым удовольствием беру в руки журнал или газету, где опубликованы стихи Анатолия Гужеля. Мы с ним почти ровесники. В одних и тех же молдавских газетах и тех же номерах начали печататься наши первые стихи. Нам обоим выпала честь быть участниками первого Всесоюзного совещания молодых писателей. Оба мы были в семинаре, которым руководил Николай Асеев.

Но не только этим дорог мне Анатолий Гужель. Есть поэты, которые работают громко, а еще вернее сказать — шумно. Другие же трудятся тихо, но выдают на-гора́ строки, которые насквозь светятся. К этой категории литераторов относится мой друг и собрат по оружию Анатолий Гужель. Человек изумительной скромности и душевной чистоты, он постоянно ищет, постоянно оттачивает строку и согревает ее собственным добрым теплом. Первая его книга, «Мое поколение», вышла в 1951 году. Много поэтических книг выпустил у себя на родине Анатолий Гужель. Читателю полюбились его поэмы «Ростки», «Сказание дуба», «Окно с тремя геранями». Стихи Гужеля неоднократно появлялись в русском переводе в Москве. Поэт он зрелый, хорошо чувствующий жизнь, знающий и любящий ее. До сих пор он не расстается с газетой. Он известен в республике как один из опытнейших и интереснейших журналистов. Поэт и журналист А. Гужель постоянно в дороге...

Пишу эти слова о моем друге и сожалею, что все-таки он мало издавался на русском языке. Он заслуживает внимания. Я его горячо рекомендую всесоюзному читателю. Убежден, что читатель не разочаруется: его стихи нежны, сердечны, они напоминают ласковый шелест весенних яблонь. Стихи Анатолия Гужеля прочно ложатся на душу: они созданы горячим сердцем настоящего поэта для людей.

Петря ДАРИЕНКО

Анатолий ГУЖЕЛЬ

КОГДА ГОВОРИТ ТИШИНА

Ты слышишь голос тишины.
Его средь тысяч
различи.
Он
чище голоса-весны
и звонче хора птиц
звучит.

Поет дубок,
идущий в рост.
Звенит,
как панцирь,
грудь Памира.
И слушает
поэмы звезд
аудитория в полмира.

Повторены в росинках-каплях
колосьев золотые дойны.
Всего красноречивей
камни
и рыба из глубин бездонных.
Вступает
чайка с морем
в споры.
Язык лесов
толкуют совы.
Раскатисто смеются
горы.
И грозен
голос туч
басовый.

Любовь,
как колокол,
гудит.
Из космоса сигналит спутник.
Полнее
тишина звучит,
теченье направляя будней.

Но есть другие голоса.
Стучит
сожженных пепел
в сердце.
Багровым шрамом
полоса —
рвы Равенсбрюка и Освенцима.
Еще кружит
в сетях дорог
боль —
эхо гулкое войны,
хоть заменен
сигнал тревог
звучаньем чистым
тишины.

Она
основой жизни станет
в душистом хлебе,
ясном дне.
Как величайшему созданью,
я поклоняюсь
тишине.

СРАВНЕНИЯ

Антенны
часто сравнивают
с мачтами.
Нам паруса крыло
всегда сулит надежду.
Весенним ветром
рождена мечта о счастье,
а солнцем — тополей одежда.

Похожи на ракеты
силуэты елей,
в закатном пламени
уходят на орбиту.
По вечерам
в окно стучится теплый ветер.
Луна
капроном-облаком
закрыта.

Спокойная река,
как Млечный Путь,
струится.
Качается, как лодка,
рожь литая.
Весна,
спустившись белокрылой птицей,
засыплет ветви яблонь
легкими цветами.

И только жизнь
сравненьям не подвластна,
в определении
трудна и многолика...
Запеленгованные
чуткой мирозданья рацией,
под солнце
ласточки взмывают с криком.

Перевела с молдавского
Евг. Пахомова.

Патрия моя!..

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Б. Кузьмина.

В коллекции вин Молдавии, многие из которых удостоены медалей, есть напиток, который не купить в Москве, и даже в самом Кишиневе бывает пока редко. Рубинового цвета, тонкого аромата, он приятен на вкус — бархатистый, слегка терпкий...

Лев Оскарович Нутов — один из старейших местных знатоков сухих вин, в свое время кончал винодельческий институт в Бордо,— убеждал меня:

— «Романешты» — так называется это вино — хотя и типа бордо, но тем не менее мало похоже на французское бордо. Ни на одну из двадцати пяти его марок. У «романешты» свой, совершенно неповторимый колорит. А вы знаете, чем оно особенно? Рубидием. Да-с, микроэлементом, радиоактивным рубидием. Эту чудесную добавку (она благотворно действует на нервную систему) привнесли сами Романешты, их специфические почвы, климат. Только там, и больше нигде, мог вызреть виноград для такого вина...

Итак, Романешты. Где это место?..

Несколько лет назад в одной из книг о Молдавии писалось, что... «Романешты» — типичный виноградарский совхоз в Кодрах, так называемым «широким показом» представленный на ВСХВ в 1954 году, что с тех пор, как они перестали быть «Домениул короаней» (владением короля) и перешли в собственность народа, хозяйство выросло, поднялось... Что знаменитые «фетяска», «совиньон», «каберне», «пино-гри» и «пиноменье» раскинулись монолитными массивами на десятки гектаров...»

Директор совхоза Р. П. Хачатурян сразу же внес поправку: теперь не на десятки, а на сотни гектаров. Через три года будет около тысячи гектаров виноградников. Создан свой питомник с самым высоким по республике выходом саженцев.

Агроном Ю. И. Шатов показал школку питомника. Крохотные кустики в два-три листочка малы и слабы, будто не могут оторваться от грунта. Миллион двести тысяч кустиков! Но именно от жизнестойкости маленьких растений по имени «мальбек» и «мерло» зависит судьба фирменного вина «романешты». Третий и главный компонент его — «каберне», в совхозе он произрастает издавна и в немалых количествах.

Раскидистые кусты с густой и пышной кроной напоминают низкорослые деревца. В сочной листве малоприметными свечками, формой похожими на каштановые, стоят кисти-соцветия. Нужно приглядеться, чтобы обнаружить цветки, столь невзрачны они: желтовато-зеленые, мелкие, как горошины, с короткими, как мушиные лапки, тычинками. Над ними роятся пчелы. Но не красой своей, а тонким запахом фиалки и миндаля привлекают они внимание сборщиц меда. Так цветет «каберне», из которого получается вино, удостоенное двух золотых и двух серебряных медалей. Впрочем, подобными неброскими цветами осыпаны лозы и других сортов винограда.

Невысокая молодая женщина, с лицом, более темным от загара, чем ее короткие легкие волосы, с тонкими в запястьях руками и с посеревшими от пыли ступнями ног, идет от куста к кусту. Смотрит, правильно ли подвязаны лозы, проверяет, не завелась ли в цветах коварная листовертка... Это Наташа Антонова, бригадир первого отделения совхоза, студентка-заочница вуза и «королева «романешты», как шутя величают ее меж собой бригадиры. На ее участке зреют, кроме «каберне» и «мальбек» с крупными, по 200—300 граммов, гроздьями, также «мерло» с мелкими черными ягодами. Правда, «мальбека» и «мерло» у нее еще мало; придется подсаживать из тех самых крошек, что взрослеют сейчас в школке питомника.

— Дядя Петря! — окликает Наташа пожилого человека, стоящего на коленях у куста.

— А, Наташа́! — обрадованно оборачивается тот и что-то частечасто говорит по-молдавски. Наташа отвечает на том же языке, присаживается рядом на корточки; вместе они начинают разглядывать раскопанный корень и обсуждать, правильно ли срезаны на нем лишние побеги.

Потом, быстрая в ходьбе, она догонит трактор, пропахивающий междурядья, и начнет распекать тракториста, свалившего на повороте бетонный столбик... Потом пойдет смотреть, как работает опрыскиватель... До обеда ей нужно обежать все пятьдесят гектаров своих плантаций, то карабкающихся в горы, то падающих в ложбины. К вечеру — второй «рейс»... И так каждый день, из месяца в месяц, из года в год.

Нет, совсем не просто и не легко ухаживать за виноградной лозой, пока она по каплям не отдаст человеку свои живительные соки! Этому трудному искусству Наташа Антонова, воспитанница кишиневского училища виноградарства и виноделия, училась у Ивана Васильевича Карпишина — ветерана совхоза. Он же и ее духовный наставник: рекомендовал в партию. Он, сам в 1940 году тридцатитрехлетним человеком окончивший школу ликбеза! Наташе тогда было всего лишь несколько месяцев: она почти ровесница вина «романешты».

Тысяча девятьсот сороковой год, в который свершилось наконец справедливое и долгожданное воссоединение Бессарабии с ее исконной Родиной, расколол жизнь Карпишина — полумолдаванина, полуукраинца по рождению — как бы на две жизни. В одной, прошедшей, была работа на помещика Кристю, от ночи до ночи за початки кукурузы, за несколько лей. Было полуголодное существование, своего хлеба никогда не хватало, «позычали, кормились мамалыгой, взуття не видели до самых заморозков». А вторая жизнь только начиналась. Какой она могла стать? Бедный человек не прятался от нее, а пошел ей навстречу.

В сорок четвертом, как только прогнали немцев, Карпишин подался в совхоз. Вскоре назначили его звеньевым. Принял он бригаду и вывел ее весной в поле. Над зарослями ромашки, горицвета и лаванды сиреневели пушистые шарики колючек. Вот какое это было поле!

Директор дал Карпишину трактор: «Паши, здесь будет твой виноградник».

На следующую весну Иван Васильевич посадил вручную, не так, как сажают теперь, машинами, первые гектары «фетяски». За нею чередом двинулись на бывший пустырь саженцы «рислинга» и «алиготе». Трудная была та весна, бесхлебная, безмолочная. Какое же надо было иметь терпение, как надо было напрячь волю, чтобы выходить некрепкие, только что начинающие свою жизнь кустики винограда!

За нежнейший виноград «фетяска» — в переводе на русский язык это слово обозначает «девичье»,— вобравший в себя запахи полевых цветов, Карпишин на выставке в Москве получил свою первую серебряную медаль. Потом он, главный агроном М. Я. Цуркан и А. Ф. Никитенко, недавний командир партизанского соединения, тогда директор совхоза, а ныне заместитель председателя совнархоза республики, были награждены орденами.

В партию он пришел убежденным, нашедшим в новой жизни свое место человеком.

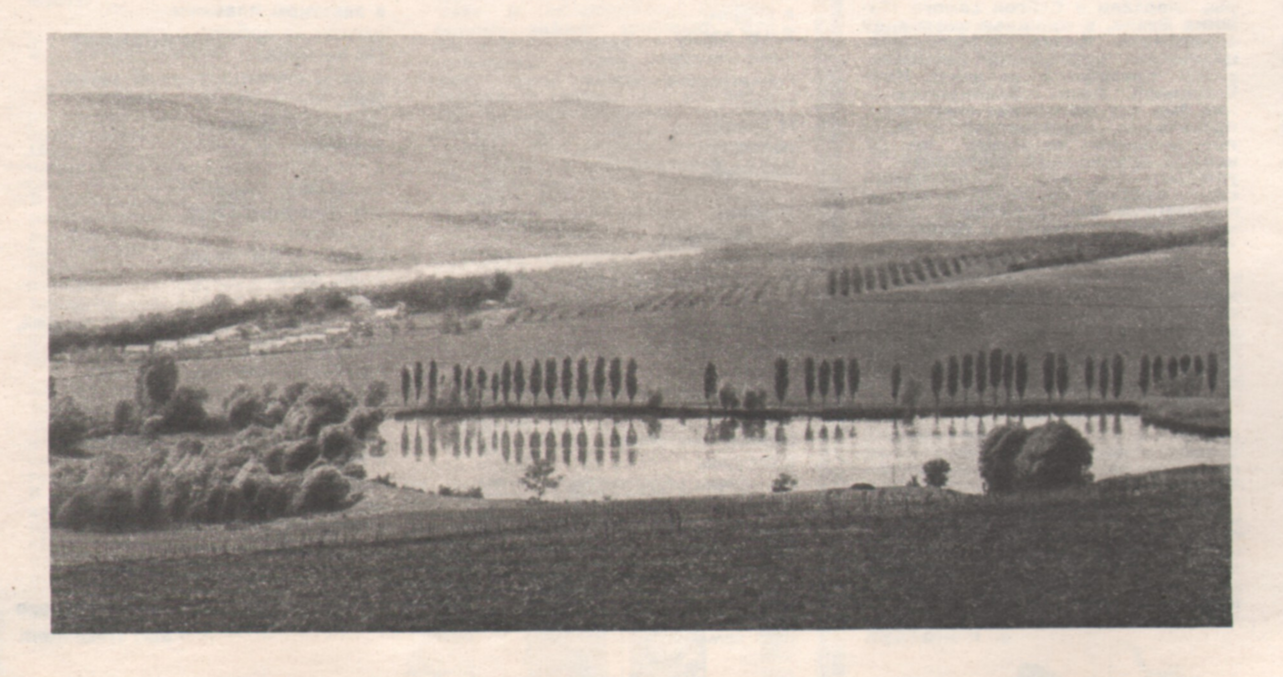
— В коммунисты задумал, Иван? — осторожно интересовались рабочие.

— Так...— подтверждал Карпишин и предлагал: — И вы подавайте.

— Страшно, еще убьют.

— Э, не бойтесь, други. Вступайте, наших больше будет!

В то время в лесах еще разбойничали кулацкие банды. В совхозе было тогда всего одиннадцать коммунистов. Сейчас пятьдесят два. За восьмерых из них поручился бывший батрак, а при Советской власти бригадир И. В. Карпишин. В числе этих восьмерых был сам М. Я. Цуркан, тогда он работал управляющим первого отделения, и агроном по виноградарству Ю. И. Шатов. Потом пошла молодежь: работница из карпишинской бригады Валя Па-

М. Греку. ЧАДЫР-ЛУНГСКИЕ ДЕВУШКИ.

«Огонек», 1965,

А. Васильев. ДЕТСТВО.

М. Петрик. УТРО В МОЛДАВИИ.

ращук, знакомая нам уже Наташа Антонова, винодел-технолог Ион Аксентюк... Сейчас Карпишин рекомендует в партию Василия Бербиеря — ездового из своей бригады.

Было время, неуютно жилось в Романештах, не так, как сейчас: асфальт, дома с газом и водопроводом, всякие мастерские, столовая, совсем как в городе, с электрической кухней, и полтысячи телевизионных антенн над крышами... Кое-кто подался тогда в другие края. Уезжал и Василий на заработки. В уральском городке на стройке он получал немало, неплохо ему жилось, но потом нестерпимо потянуло в Молдову. Теперь Карпишин ручается за него...

А вот и он сам, Иван Васильевич. Лицо, шея и руки тщательно обработаны солнцем в коричнево-красное. Присел на скамью под камышовым навесом, сдвинул кепку на затылок, приоткрыв крепкий лоб. Припал к ведру с холодной водой.

...Тихо. Гудят лишь шмели, и заливаются, купаясь в белесой тишине, жаворонки. Знойно. Развороченный плугом чернозем лежит парной, рыхлый, сочный после недавних дождей. Привяли, сникли в полуденной истоме травы. И только «фетяска» с упругими, тугими усиками на побегах стоит как ни в чем не бывало. Тонкая лоза ее поднялась над шпалером и четко прорисовалась на фоне далеких голубых холмов.

— От жадная до солнца!—Карпишин прищурил светлые, будто выжженные яркими лучами глаза.— Тянется все ближе к нему, как человек до счастья.

Я подумала: как он сам тянется к своему счастью, найденному здесь, на Родине—Патрии; как Наташа Антонова, которая не может высидеть дома даже трех дней «по больничному» без своих виноградников; как агроном Шатов, который видит и знает виноград, как добрая мать свое дитя; как винодел Аксентюк, «рисующий» вина...

Тонкий, подвижный, с блестящими темными глазами, Ионике Аксентюк рос далеко от виноградников, на севере. Там, под Рышканами, в старой школе стал он мечтать о том, как будет делать вино... Мечта его осуществилась. Технолог-винодел, студент последнего курса заочного отделения сельскохозяйственного института, Аксентюк — один из трех авторов послевоенного советского бордо — «романешты».

Идея создания такого вина возникла еще до войны, в тысяча девятьсот сороковом. Но война помешала ее осуществлению. Уничтожены были, погублены виноградники. Только в конце пятидесятых годов, когда удалось восстановить посадки таких редких сортов, как «мальбек» и «мерло», и накопить запасы винных материалов, началась сложная и длительная, поистине исследовательская работа. В ней принял участие и Ион Аксентюк.

Как художник подбирает краски, так, меняя соотношение составных частей вина, технологию его обработки и характер выдержки, виноделы искали именно ту, одну-единственную, его палитру, которая оказалась бы наилучшей. Вариации следовали одна за другой. Десять, пятнадцать, двадцать... Каждая из них подвергалась скрупулезному анализу. И вот наконец результат: строгая дегустационная комиссия оценила новый напиток очень высоко — девять целых и шесть десятых балла по десятибалльной системе. Сначала назвали его просто «бордо». Ведь оно делается из тех же сортов винограда, что и во Франции. Но потом передумали. Зачем давать ему заграничное имя? Пусть будет свое, молдавское, и окрестили по месту рождения — «романешты».

В дегустационном зале Ион Аксентюк подошел к серванту, заставленному «траминером» и шампанскими, «фетяской» и «совиньоном», итальянским и рейнским «рислингами», «алиготе» и «каберне»... Все это, рожденное здесь,

Наташа Антонова.

Иван Васильевич Карпишин.

Ион Аксентюк.

производится на заводе и на винопунктах совхоза. Завод вполне современен, и весь технологический процесс изготовления вин совершается в нем без прикосновения человеческих рук.

Аксентюк достал бутылку марочного вина, приготовленного из урожая 1962 года. На оранжеволой этикетке, под белоснежным аистом с золотой гроздью винограда, белыми буквами выведено: «романешты».

— Видите, и нам принес аист счастье,— блеснул своими цыганистыми глазами Ион,— с ним связано предание старины глубокой. Не слыхали?

Давным-давно, во времена турецкого ига, крепость Городешть окружили жестокие янычары. Воины храбро оборонялись, не подпуская врага. Но вот иссякли запасы воды. Мучимые жаждой, люди теряли силы и веру в победу. Когда гибель казалась неминуемой, неожиданно в небе показались белые аисты. Они несли огромные, сочные гроздья винограда. Осажденные утолили жажду и голод, воспрянули духом, обрели бодрость. Янычары в конце концов вынуждены были отступить. Такими могущественными оказались плоды виноградной лозы, взращенные на благодатной молдавской земле...

Сейчас в республике, занимающей пятнадцать сотых процентов территории СССР, собирается и заготавливается более четверти всего винограда, растущего в нашей стране.

А лунно-светлый аист из поэтической легенды перекочевал на этикетки молдавских вин, по достоинству принятых в Варшаве и Будапеште, Лондоне и Париже. Люди, говорят, что взмахнул он своим широким волшебным крылом и над Романештами и даже сидел на высоком вязе, что склонился к тихому домику Ивана Карпишина...

Кто осмелится утверждать обратное?

УТРО МОЛДАВИИ

Встречаясь с творчеством художников Молдавии — а их много в этой маленькой стране,— удивляешься и радуешься, как поразному, по-своему видит каждый из них красоту своего народа и края и ярко умеет рассказать о ней людям.

Еще в конце прошлого века Владимир Окушко — воспитанник Петербургской академии художеств, один из первых профессиональных художников края, вернувшись в Кишинев, создал здесь первое в стране национальное художественное учебное заведение — рисовальную школу, а при ней «Бессарабское общество любителей искусств». Тесно связанное с передвижниками, это прогрессивное общество организовывало в Молдавии интересные художественные выставки, в которых принимали участие, кроме очень немногочисленных тогда молдавских художников, Репин, Богданов-Бельский, Бродский, Костанди, Богаевский...

Сын Владимира Окушко — Ростислав, теперь ему уже около семидесяти — продолжил в своем творчестве завещанные отцом традиции. Только содержание произведений сына оказалось совсем иным, нежели у отца, рассказывавшего в своих небольших картинах о тяжелой доле молдаванского крестьянина.

Имена Михаила Греку и Валентины Руссу-Чобану искусствоведы всегда ставят рядом в монографиях потому, что их художественные интересы крепко срослись с народным творчеством, ушли в нее корнями.

Греку и Руссу-Чобану родились и выросли в Бессарабии, бывшей в то время под властью королевско-боярской Румынии. Постигать законы живописного мастерства обоим художникам пришлось вдали от дома. Греку окончил четыре курса Бухарестской академии художеств, Руссу-Чобану два года проучилась в Яссах, где в ту пору велико было увлечение барбизонцами. Но молодые живописцы не позабыли родной земли и едва представилась возможность, вернулись домой. Руссу-Чобану посчастливилось закончить свое образование уже на родине, в республиканском художественном училище имени И. Е. Репина, выросшем из небольшой и скромной рисовальной школы Окушко.

У Михаила Греку по молдавским селам множество учителей и друзей — народных художников-умельцев. А дом художника в Кишиневе — настоящий музей народного искусства. Чего здесь только нет: изукрашенная ломким, прихотливым узором керамика, красочные ткани и нарядные ковры, впитавшие краски лесов, долин, весенних цветущих лугов, искусная резьба по дереву. Многое в этом небольшом домашнем музее сделано руками самого хозяина — Михаила Греку и особенно его жены — художницы по керамике Эсфири Греку.

Картины художника жизнерадостны и веселы, а краски в них горячи, полнокровны. Все ему под силу: и сочный натюрморт, и выразительный портрет, и раздольный пейзаж, и историческая картина, и жанровая сцена. Вот, например, как эти «Чадыр-Лунгские девушки», что радуют юностью, женственностью, яркими, праздничными нарядами, звоном монист.

Недаром Мартирос Сарьян, побывав в мастерской Греку, больше всего любовался ими.

Молдаванских девушек много пишет и Валентина Руссу-Чобану, хотя и на ее холстах немало и таких вот молодых, статных, красивых парней, как «Дояр Толич»...

Когда в 1957 году Валентина Руссу-Чобану писала «Жок. Приглашение к танцу» — его вы видите на нашей вкладке,— как-то само собой вышло, что девушка в розовом оказалась похожа на автора картины. Видно, не раз выходила и черноглазая, смуглая Валентина вот так же в веселый молодежный круг...

Стремительна жизнь. Не успеешь оглянуться, и уж новая молодость приходит на смену... За последние десять лет в Союз художников Молдавии влилось талантливое молодое пополнение. Смелое, щедрое, влюбленное в жизнь, ищущее. Это Я. Дацко, В. Зазерская, В. Обух... Их яркие, самобытные работы радуют всех, особенно же Михаила Петровича Петрика, директора Кишиневского художественного музея, озабоченного пополнением его коллекции. Совсем недавно то время, когда в музее не было работ молдавских художников, а теперь каждый год поступают новые.

Молодые уверенно вошли в жизнь, в искусство. Не случайно самый молодой народный художник СССР Илья Богдеско, выдающийся советский график и живописец живет именно в Молдавии. А на юбилейной выставке изобразительного искусства двадцатипятилетней Молдавии маститые художники удивляли молодым задором, свежестью, современностью, а молодые не отставали от них в мастерстве, зрелости мысли, правде воплощения.

Эльвира ПОПОВА

Люциан ВОЛЯНОВСКИЙ, польский публицист

Фото автора.

Макатеа — остров трех автомобилей

Макатеа. Здесь ничего не изменилось за тысячи лет.

«Говорит радио «Кокос»

«Говорит радиостанция «Кокос»! Передаем южный бюллетень для острова Макатеа. Новый «попаа», который вчера утром прибыл на почтовом корабле из Таити и поселился у дантиста Женнета, сегодня провел весь день среди рабочих, добывающих фосфат. Он фотографировал, о многом расспрашивал и записывал ответы, а во время обеденного перерыва поехал в клуб, где и находится в данное время...»

Так я узнал о своем собственном прибытии на остров Макатеа, один из шестидесяти, входящих в архипелаг Туамоту, который Луи Антуан Бугенвиль еще в прошлом столетии назвал «опаснейшим архипелагом». Со стороны моря они выглядят безлюдными: селения расположены в глубине. Ни в одной деревне нет естественных источников пресной воды, поэтому на крышах домов и хижин устроены хитроумные приспособления для сбора дождевой воды. Плодородную землю приходится привозить баржами... с Таити! Кокосовые пальмы и рыбная ловля — вот что кормит обитателей этих островов. Исконные жители (их не более 7 тысяч) даже среди полинезийцев слывут нелюдимыми...

Единственный на Макатеа радиопередатчик принадлежит... местному жандармскому посту! Радио «Кокос» есть на всех островах французской Океании. Оно регулярно передает свои программы для всех рыбачьих поселков и ванильных плантаций: слухи о самых любопытных местных событиях. И главное место в них отводится всему тому, что касается «попаа», то есть белых людей. Странные обычаи этих последних являются неисчерпаемым кладезем веселья для полинезийцев.

А с настоящим радио на островах южной части Тихого океана происходят весьма странные явления. Радиоволны мчатся по какому-то удивительно извилистому и непонятному маршруту: например, на островах Товарищества с большим трудом принимают передачи близкой отсюда Новой Каледонии, но отлично слышны радиостанции далекой Австралии. На Таити же бывают такие дни, когда из всех европейских станций можно услышать только... Москву! Я был просто ошеломлен, когда однажды вечером, проходя по улицам Папеэте, где дома вообще не имеют стекол в окнах, сначала услышал бой кремлевских курантов, а затем — «Последние известия» на французском языке!

На Таити существует только одна кольцевая дорога, идущая вокруг острова, что чрезвычайно облегчает проблему адресов. Так вот, на семнадцатом километре этой дороги находится кинотеатр «Стебель бамбука». В нем 70 сидячих и 35 стоячих мест. Скамейки доставляются сюда из католического костела, еще есть два садовых кресла и деревянный станционный диван. Этот кинотеатр как две капли воды похож на своего собрата в Макатеа не только оборудованием, но и репертуаром. Дело в том, что полинезийцы решительно отказываются от психологических фильмов или таких картин, где люди слишком много говорят. Плохой сбор дают и любовные фильмы: роман на островах южных морей, как правило, можно уложить в короткометражную хронику. Бесконечные перипетии любви белых людей, усложняющих, по мнению полинезийцев, свою жизнь вздохами, клятвами и прочими «штучками», сначала забавляют, а затем раздражают зрителей. Французским языком владеет едва лишь 10 процентов населения. Английским же полинезийцы вообще не интересуются. Но, несмотря на все это, продукция Голливуда или парижских киностудий идет тут без комментариев, на языке оригинала. Лишь бы в картине было побольше стрельбы и бешеной скачки на конях, а еще лучше — на диких мустангах. Если владелец кинотеатра прогорит на какой-нибудь слишком «чувствительной» картине, он достает любой «вэстерн» двадцатых годов и пускает его. Местные киноманы знают его на память, но все равно непременно приходят на сеанс.

Преступник с дурным вкусом

Несмотря на американские фильмы, преступления на этих маленьких островках—явление чрезвычайно редкое. Во время моего пребывания в Полинезии полиция задержала какого-то парня, который незаметно похитил рубашку, вывешенную перед лавчонкой в качестве рекламы. Преступника накрыли только на следующий день, так как его девушка... сочла безвкусной рубаху! Тогда юный полинезиец облюбовал другую рубашку, попестрее (из той же лавчонки). Его задержали в тот момент, когда он вешал на место безвкусную...

«Сегодня вечером демонстрируется лавина!»— гласит афиша на таитянском и французском языках, рекламирующая кинобоевик на Макатеа. Для людей, которые никогда не видели снега, перспектива увидеть настоящую лавину весьма соблазнительна. Содержание же фильма — вопрос куда менее важный. «Это дело стоящее, если наш фильм идет уже третий день!»— хвалится киноафиша.

Как я подвел полицию

Я действительно, как сообщило радио «Кокос», живу у местного дантиста. Он здесь единственный в радиусе двухсот километров. Естественно, что у него не хватает времени. Наиболее страдающих пациентов и лиц, которые заслуживают исключительного к ним отношения, он принимает в пять часов утра, когда еще совсем темно и относительно прохладно.

Мсье Женнет давно уже покинул Францию, некоторое время он скитался в Африке и лишь потом навсегда осел в Полинезии. С Таити мсье Женнет привез темнокожую девушку, у них есть сын. Мсье Женнет уверял меня, что никогда не вернется ни во Францию, ни тем более в Европу. Он привык к местной кухне и «только в честь гостя» (то есть меня) достает бутылку французского вина.

Хозяин просит меня рассказать ему о Польше. Когда после войны его демобилизовали, мсье Женнет побывал в Польше с какой-то молодежной делегацией. И только теперь он узнает, что далеко не все поляки пьют водку во время первого завтрака и что вообще в Польше «кое-что» изменилось с 1945 года. Мсье Женнет — мягкий и образованный человек, но газеты читает весьма редко. Французская пресса поступает сюда довольно нерегулярно, с большим опозданием, а таитянские газеты подают вести из Европы, как говорится, мелким бисером, да еще с большими сокращениями.

Один из директоров здешнего «Общества по добыче фосфатов» тоже побывал в Польше. Нет, нет, он не сам поехал туда — его повезли! Он сидел в гитлеровском лагере для военнопленных, где ему позволили сохранить при себе часы. Он умеет довольно четко спрашивать по-польски «Который час?» и отвечать, сообщая верные цифры. Как истый француз, он также знает слова «сьличная паненка»— красивая девушка. В местных «салонах» он имеет определенные шансы занять кафедру славянологии.

На Макатеа насчитывается около двух с половиной тысяч жителей. Из них 90 процентов — это люди, непосредственно зависящие от «Французского общества по добыче фосфатов Океании».

Из «белых господ», проживающих на этом острове, я познакомился почти со всеми. Разумеется, прежде всего с местными силами жандармерии в количестве трех человек. Они торжественно и строго пригласили меня к себе на пост, и сам начальник — страницу за страницей — тщательно осмотрел мой заграничный паспорт. Осмотр подлинного паспорта «отту-

да» — явление неслыханно редкое на маленьких островках Океании. Мсье начальник особенно долго рассматривал ту страницу паспорта, где фигурировало согласие властей «из самого Папеэте» на мое свободное передвижение по всей Полинезии. В конце концов шеф жандармов как-то тоскливо вздохнул и отдал мне паспорт. Затем начальник расстегнул воротник блузы, с минуту обмахивался пальмовым листом и обратился ко мне с галантной фразой:

— Очень сожалею, мсье, но у меня нет оснований арестовать вас.

— Мне крайне неприятно, мсье, что я так подвел вас! — не менее вежливо ответил я.

Все же мне было любопытно узнать: почему шеф жандармов хотел посадить меня за решетку? Он вовсе не выглядел кровожадным.

— Очень просто! — заметил шеф. — Нас здесь, как видите, всего трое. Если бы я посадил вас, то до следующего парохода у нас был бы четвертый партнер в бридж...

Но жандарм стойко перенес этот удар. Тем более что я дал ему слово: в первый же свободный день принять участие в игре, но, разумеется, в качестве вольного и равноправного, хотя и временного жителя Макатеа. Мы разговорились и затронули интересные темы. Оказалось, что пост на Макатеа (да и на других подобных островках Океании) остался бы совсем без работы, если бы выполнял только полицейские функции. Но, слава богу, ему поручили и другое: пост одновременно является конторой по обмену валюты, казначейством, таможенным бюро, отделом актов гражданского состояния и статистическим сектором. Эта последняя функция жандармов очень меня заинтересовала. И поскольку теперь я уже был равноправным и вольным человеком, то роли наши несколько переменились: теперь уже я «допрашивал» жандармов. Из составленного мною «протокола» явствует, что на Макатеа один католический костел и пять молитвенных домов различных религиозных сект. Однако самая большая гордость островитян — буддийская пагода, которую посещает один-единственный человек.

...Природный источник пресной воды, дающий ежедневно 300 тысяч литров, — это национальная гордость Макатеа и отличает его от всех остальных островов архипелага Туамоту. Начиная с 1908 года с Макатеа вывезено более 8 миллионов тонн фосфатов, сейчас ежегодно добывается 350 тысяч тонн на сумму 400 миллионов тихоокеанских франков. 120 миллионов франков возвращается сюда в виде заработной платы рабочим и служащим. Единственным богатством Макатеа является именно фосфат — здесь самые крупные залежи в мире. А ведь все началось... с птиц! Особенно с бакланов.

Люди и птицы

Как известно, бакланов приучили ловить рыбу для человека. Однако на Макатеа бакланы занимались рыболовством, так сказать, в порядке частной инициативы. Тем не менее они начали создавать богатства для французов еще... тысячи лет назад!

Бакланы очень любят рыбу. Поэтому в течение тысяч лет в расщелинах и распадках скал кораллового рифа, на котором стоит Макатеа, откладывались и прессовались самой природой сотни тысяч тонн препарата, вежливо именуемого «гуано».

Японские суда регулярно приходят в порт Макатеа и загружаются здесь птичьими экскрементами для удобрения почвы в Стране Восходящего Солнца. Сейчас подсчитано, что уже через восемь лет нечего будет добывать, а все население переберется на другой остров, если, конечно, при начавшейся конкуренции химической промышленности добыча фосфатов останется рентабельной.

Узкоколейка мсье Мажино

Еще до рассвета я еду вместе с горняками на работу.

Труд здесь тяжелый. Надо вставать до рассвета. У меня еще и сегодня перед глазами лавчонки, где при тусклом и мерцающем свете плошек косоокие девушки подают завтрак мускулистым темнокожим горнякам. Люди еще как следует не очухались от сна, немногословны, едят молча. Потом надевают на курчавые головы белые предохранительные металлические каски и неторопливым шагом направляются туда, где среди высоких пальм поблескивают узкие рельсы. Это единственная во французской Океании железная дорога.

Между прочим, эта узкоколейка была случайно закуплена во время ликвидации знаменитой «линии Мажино». Горняки грузят в вагонетки продукты переработки птичьих желудков, потом составы тянутся по извилистой колее через джунгли в порт, где их уже поджидают японские суда.

Пот ручьями стекает по моему лицу, рубаха плотно прилипла к телу, хотя до полудня еще очень далеко. Фотоаппарат тяжело давит на плечо, хотя он намного легче тачки с фосфатами.

На этой поляне — огромные выемки, откуда добывали фосфат. Они страшно глубоки, эти выемки, а над ними проложена... только одна доска! И по ней — бегом! — возят тачки! Это не работа — цирк, но каждый трюк здесь грозит увечьем и даже смертью. Я не говорю уж о жаре, о палящем солнце, которое убило бы любого европейского рабочего за несколько часов. Тут каждый канак совершает чудеса акробатики: он сам добывает фосфаты, грузит их лопатой на тачку, бегом гонит ее к транспортеру. Хороший рабочий добывает и грузит за семь часов до 78—80 тонн фосфатов. Это невероятно, но это так!

Остров трех автомобилей

После работы две ближайших деревни рано погружаются в сон. Измученные мужчины просто валятся на циновки. Не слышно музыки, не видно танцев... А ведь это Полинезия!.. Лишь в субботу, когда разрешается продавать алкоголь местным рабочим, когда нет надобности завтра утром опять начинать тяжкую работу, в ночи долго светятся огни лавчонок, выполняющих тут и роль ночных баров. В такие ночи у жандармов хватает дел.

На единственной, но очень ухабистой дороге острова надо все время быть начеку. Макатеа занимает площадь в тридцать квадратных километров, на нем только три, да и то никому не угрожающих автомобиля и несколько сот очень опасных мопедов и мотороллеров! Они мчатся словно одержимые — без цели и не разбирая дороги. Остров довольно мал, и ездить на нем особенно некуда, но владельцы мотороллеров, крепко уперев ноги в педали, носятся туда и обратно, туда и обратно на полном газу, что ни говори — воскресенье!

В клубе для инженеров и служащих пьют пиво. Охлажденное в леднике. На широкой веранде сражаются на бильярде и смотрят вслед каждой проходящей девушке. Скука здесь весьма благоприятствует интригам, а сплетни мчатся по всему маленькому острову, доходят до берега, отражаются от моря и возвращаются обратно.

Купленный кем-то у японского моряка транзисторный приемник голосит на всю улицу. Белые рассуждают примерно так: еще одна кружка холодного пива, еще один день, еще один вечер, и через несколько лет мы вернемся во Францию на пенсию или будем искать новых залежей фосфатов на других островах. Здесь ничего больше не будет, вам ясно, мсье? Останутся только эти безвестные могилы, вырытые высоко в скалах, над самым морем... Нет, туда никто не взбирался — что может быть интересного в могилах людей, которые жили тут некогда вместе с бакланами, не правда ли, мсье?

Новая Каледония. Сюда ссылали французских коммунаров. Внук одного из них показал нам деревянного божка местных жителей — канаков.

Погрузка фосфатов — единственного богатства Макатеа.

Они живут на островах Товарищества.

Женщины Таити всегда славились своей красотой.

Раки линяют

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рассказ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Во дворе, под деревом, уже стояла кровать-раскладушка. На стуле в тарелке поблескивал виноград «Изабелла». (Хозяйка была, ничего не скажешь, очень внимательной.)

Аня, студентка третьего курса рыбного техникума, приехавшая из Ленинграда в станицу на практику, оглянулась, нет ли кого в саду, и, быстро раздевшись, закинула платье на ветку дерева. Потом она протянула руку, взяла с тарелки кисть винограда и стала задумчиво обрывать губами прохладные ягоды.

В будке тихо завыл Полкан (собачья бессонница). Зевнул и побрел по лунной дороге к белевшей во тьме кровати. Рассмеявшись, Аня кинула ему виноградину. Он схватил на лету ягоду, зачавкал и проглотил. Тоскливо подняв лохматые лапы, Полкан потянулся к теплому — к дыханию человека, к его добрым рукам.

— Чего тебе, мой хороший, скажи?.. Не стесняйся. Истома, да?..

И Аня крепко и ласково обняла собаку за толстую шею.

В высоком, тревожном небе, над самыми Аниными глазами, повисли яркие звезды. Время от времени одна из них прочерчивала темноту светящимся циркулем.

И такое истошное стрекотание подняли вокруг кузнецы, что, казалось, хотели разбудить мертвых. Полкан рванулся к звезде. Тарелка с лежащим в ней виноградом плюх наземь — разбилась вдребезги.

«Что я завтра скажу хозяйке?» — холодея, подумала Аня.

И на самом деле, утром, когда хозяйка пошла кормить кур, она сразу приметила разбитую тарелку.

— Ой-е-е, чего натворили! — громко спросила она у курицы.— Нет того, чтоб сберечь чужое добро.

— Это не я! Это ваша собака! — пробормотала Аня.

— Ой-е-е, родимые, что делать-то будем?.. Видали?! Собаки в нашей станице принялись жрать виноград.

— Честное слово, это Полкан. Ночью ему не спалось. Он обнял меня, и вдруг — кок!.. Ничего. Я пришлю вам из дома другую тарелку, четыре тарелки...

— Экося!.. Люди добрые, собаки принялись обниматься да целоваться!.. С детьми и со мной они чегой-то не обнимались... Я честненько вдовею вот уж который год... Ой-е! Скажут тоже, собака.

Над колодцем повисло солнце. В его лучах блеснуло ведро.

— Я опаздываю! И все из-за вашей дурацкой тарелки! — чуть не плача сказала Аня, схватила сетку для ловли планктона и выбежала на улицу. Следом за ней метнулся Полкан.

Аня шла все быстрей. Полкан бежал все быстрей. И вдруг догадался: «Беда!.. Человек уезжает»,—и, опустив голову, понуро побрел назад.

К рынку медленно катили телеги, груженные дынями. На середине улицы показались высокие дрожки с сидящим в них седоком. Свесив ноги в черных сандалиях, седок лузгал семечки. Аня глянула на него, охваченная каким-то недобрым предчувствием.

«Без пяти минут шесть»,— успокоили ее наконец конторские ходики.

— С добрым утречком,— заулыбавшись, кивнула Ане старуха уборщица.— А они укатили, деточка. Ждали-ждали и не дождались.

— То есть как это не дождались?! Ведь сейчас только шесть утра.

— Ничего не знаю, коток. Взяли да улетели.

— И как им только не совестно!

— Не горюнься, детка... А может, им совестно?

— Дорогу-то хоть покажите!

И Аня снова выбежала на улицу, понеслась вперед, вздымая облако пыли. Пальто на ее плече развевалось парусом.

Безмятежно глянула вслед бегущей торговка семечками. Повернул голову в ее сторону шедший мимо рыбак: «Бра-атцы, дело, ей-ей, нечистое: гражданочка утикла с базара».

Скоро перед бегущей Аней замаячил задок предательских дрожек.

— Останови-и-и-тесь!

Но возница, видно, оглох. Дрожки пустились вскачь.

— Остановитесь!.. Э-эй! Сию минуту остановитесь!

И, разбежавшись, Аня прыгнула на подножку.

— Вы кто?.. Садовод Андреев?

— Допустим.

— Так разве вас вчера не предупредил Войтенко?

— И что же... А если предупредил?

Аня в ярости вытянула усталые ноги.

— Иван Степаныч, можно таперича дать отдохнуть лошаденке, раз они все равно нагнали? — невинно спросил возница.

Андреев молчал.

Аня видела его загорелый, крепкий затылок, вздернутый нос, большой рот и вставшие дыбом от ветра русые волосы. Она косилась на эти вставшие дыбом волосы и мечтала со злобной страстью, как бы это хорошо было занести кулак и треснуть Андреева по макушке.

Скрылись из виду хаты. Завиднелись луга. Слева выплыл желтоватый клин Азовского моря. И вдруг впереди — огромный серый квадрат — аэродром.

— Давай осаживай,— сказал вознице Андреев.

Пассажиры спешились.

Андреев пошел за пилотом.

«Не улизнешь. Не выйдет!»— подумала Аня и остановилась у входа в дом.

Скоро на порожек вышла старуха, видимо, мать пилота. На руках у старухи сидела грудная девочка.

Сделалось знойно. Вдалеке блистающая полоса моря запестрела белыми точками — парусами.

Грудная девочка на руках у бабушки, завернутая в лоскутное одеяло, глянула вдаль и сладко зевнула. Сверкали под солнцем ее желто-белые плечики и нежная, цыплячья шейка.

Аня долго и пристально смотрела на девочку. Потом не выдержала, сдалась, оставила свой караульный пост и принялась целовать пушистые волоски и затылочек ребенка. Девочка не замечала Аню, безмятежно глядела широко раскрытыми молочно-светлыми глазами на подернутую жарким туманом землю.

— Для нее это самое милое дело,— улыбнувшись, сказала бабушка.— Она это любит. Набалована до невозможности.

— Извините, конечно, что оторвал, но долго вас ждать прикажете? — не без любопытства спросил Андреев.

— А?.. Что? — И Аня ринулась к самолету.

Пилот надел очки и ловко прыгнул в кабину.

— Папа ту-ту, ту-ту!.. Помахай папе ручкой,— сказала бабушка.

Девочка, будто что-то поняв, повернула голову в сторону самолета. Пушистым венчиком вздыбились ее мягкие волоски.

— Раз! — И, сдвинув белесые брови, Андреев без тени улыбки подсадил пассажирку в кабину. Одним рывком. Торопливо и деловито, как сажают в печку пирог на противне.

Все вокруг переполнилось дребезжанием.

— Ту-ту, ту-ту!.. До свидания, папа,—учила старуха девочку, но слов ее не было слышно. Они угадывались по шевелению губ.

И вот уже сделался виден только белый платок старухи. Потом — квадраты полей. Земля замелькала внизу не черным, не желтым, а светло-розовым.

Люди в кабине, сидя друг против друга, раскачивались от толчков, чуть не сталкиваясь друг с дружкой носами.

Самолет повис ребром в воздухе. (Небось, не будь кабина застеклена, пассажиров выбросило бы на землю.)

И опять самолет подбросило вверх. И опять невесть что поплыло в зажмуренные глаза пассажирки: зигзаги, колечки, молнии. Она открыла глаза. Андреев безмятежно почесывал нос.

Самолетик летел над озерами, над блестящими солончаками.

— Э-эй, пилот!.. Что слышно?— И Андреев постучал кулаком в кабину.— Приземляться будешь или задумался?

Воздушный извозчик летел над травами, камышами... И вот, раскачиваясь из стороны в сторону, наконец побежал по земле.

Улюлюкая, гогоча, свистя, понеслись вслед за ним пастухи-мальчишки.

— Де-едко! — крикнул пилот, завидев издали бредущего по полю старика.— Покараулька, дедко, мою машину...

— Да не-е-е... Мне некогда,— отозвался старик и, остановившись, продолжал глазеть на приезжих, почесывая затылок.

— Пропади ты пропадом! — тихо сказал пилот.

— Не волнуйся, пилот.— Андреев вздохнул.— А чего зря нервы трепать? Председатель выделит сторожа...

— Ни туда, ни сюда теперь,— косясь на деда, жаловался пилот.— Ни тебе пообедать, ни тебе отдохнуть...

Старик молча глядел на приезжих, почесывая затылок.

— Дедушка! Покараульте, пожалуйста,— попросила Аня.

— Не-е-е! Время дорого,— безмятежно ответил старик.

Пилот остался у самолета. Андреев и Аня пошли к колхозу. На почтительном от них расстоянии бежали ребята.

Птицы, широко расставив крылья, пролетали низко, над самой травой. И вдруг, как будто бы потеряв разум,— вверх, в небо, в дрожащую, пьяную синеву.

Станица Привольная вставала навстречу Ане белыми хатами и садами, шумевшими в тишине. И ей невозможно было поверить, что где-то там, в ее городе, в каждом доме и камне еще как бы живут недавние разрушение и война и что горькое горе прячется в зыбком свете городских лестниц, еще до сих пор освещенных забытыми синими лампами.

Здесь, в этом знойном царстве, все было миролюбиво и заколдованно — тяжесть вот этих яблок, неподвижность вот этой ветки...

У белых хат стояли старухи. Глядели из-под руки на мужчину и девушку, шагающих по тихой дороге. В великой тишине острова было, казалось, слышно, как вздымается пыль у них под ногами.

Появление на острове двух новых людей, как видно, дело не пустяковое. Недаром за ними следом бежали мальчишки. Ни с того ни с сего один из них прогундосил:

— Тили-тили тесто, жених и невеста!..

Садовод и Аня притворились глухими. И вдруг на повороте дороги Андреев не выдержал — раз! — оглянулся и хвать певуна за ухо.

— Дядя-я, пусти-и-те-е, дядя-я!..

— Сию минуту пустите ребенка! — строго сказала Аня.

Андреев вздохнул и нехотя отпустил мальчишку.

И снова молча они зашагали вперед. Гуськом.

И вдруг, усмехнувшись, он глянул на девушку через плечо.

— А чего ж?.. Вы вроде осанистая... Я холост. И вроде никогда с девицами на остров не прибывал.

— Еще бы,— ответила Аня.— Разве девицам угнаться за вашими дрожками?

Председатель, который был дедушкой (в его доме водились внуки), оказался человеком отнюдь не старым.

— Знакомьтесь, Иван Иваныч,— сказал Андреев.— Товарищ прибыла из Ленинграда. Представитель по рачьим усам... Войтенко просил, елико возможно, оказать ей содействие.

Председатель вежливо поклонился, не выразив ни малейшего удивления по поводу неслыханной Аниной должности.

— Я... я... Товарищ Андреев все перепутал!.. Я просто студентка, Иван Иваныч. С третьего курса. Из рыбного техникума.

— Очень приятно,— ответил Иван Иванович.— Присаживайтесь. Закусывайте.

«...Все здесь счастливые,— думала Аня про обитателей просторного председателева дома.— Отчего они такие счастливые? Все! И вот эта, у которой ребеночек на руках... И вот этот, молоденький, с погонами лейтенанта... Женился, приехал в гости к родителям... Счастливые, счастливые. Все! Отчего?»

Рвавшееся через открытую дверь солнце ложилось на скатерть и смешивалось с паром, который шел от картошки. Сам солнечный свет как будто бы превратился в пахучий пар. И картошка в руках у Ани сказала, что она счастлива. Аня надкусила ликующую картошку. Солнце тронуло квас, налитый в кувшин. Квас заиграл коричневой светящейся полосой, отразившись в крахмальной скатерти...

— Ешьте,— сказал Андреев.— Чего ж вы задумались? Нажимайте. А то расхудеете, чего доброго, и Войтенко даст мне жизни: «Недоглядел садовод».

Андреева здесь называли Иван Степанычем. Видно было, что в станице он свой человек.

— Закусывайте,— повторил он Ане.— Вы мало чегой-то покушали. Поглядите: разве плох виноград?

И, взяв из миски кисть винограда, он протянул ее Ане, держа на весу у ее приоткрытых губ.

Вспыхнула зеленая кровь винограда в руке хозяина-садовода. Заиграла каждая ягода. Они были подернуты испарением, будто стекло, на котором остался след от дыхания человека.

Сияющий виноградный взгляд коснулся Аниных глаз. Ягоды осторожно прильнули к ее губам. Они были дыханием этой земли, дуновением всех теплых ее ветров, дождей и гроз, облаков и молний.

— Что ж вы задумались? Ешьте! — глядя Ане в глаза, шепнул садовод.

— Оставьте меня в покое!— ужаснувшись чему-то, сказала она.

— Иван Степаныч, люди собрались,— заглядывая с улицы в дом, объявил председатель.— Ждут гражданочку у поляны, как вы и просили давеча.

— Что делать-то будем? — коварно ответил ему садовод.— Не потрафили гостье! Ей не нравится наш виноград.

—...Вот то-то оно и есть,— начал свою удивительную речь председатель колхоза «Привольное».— Так-то, значит...— Он крякнул и беспомощно сдвинул кепку на лоб.— К нам, стало быть, приехал товарищ. Из Ленинграда. Не близкий путь... И ему, то есть ей, желательно ознакомиться с ловлей рака... Так вот того... Ознакомьте. Всё.

Аня робко выступила вперед.

— Я практикантка, товарищи рыбаки. Студентка рыбного техникума... Может быть, по окончании буду у вас, на Кубани, работать... Мне бы очень хотелось посмотреть лов. Прихватите меня, пожалуйста, завтра утром.

Все молчали. Все, моргая, смотрели на председателя.

Наряд рыбаков показался Ане в высшей степени необычайным. (Если б в этом была хоть капля здравого смысла, она бы решила, что их приодел садовод Андреев со специальной целью ее допечь.)

Против Ани сидел в траве, поджав по-турецки ноги, старичок. На голове у него был купол фетровой шляпы. Поля этой удивительной старой шляпы небрежно откромсаны. Изпод зеленого конуса глядели на Аню недоумевающие глаза. На старике была нежно-розовая выгоревшая рубаха и ситцевые шаровары в горошину.

А вот и другой старик — с большими, спускающимися книзу усами, такими же, как у председателя Азовско-Охтурской Войтенко.

Этот черен, как жук. На Аню глядят в упор его черешневые глаза. Старик обут в яркорыжие нарядные полуботинки на босу ногу. Блекло-голубые брюки высоко закатаны, оставляя голыми старые, подагрические колени. Ясно: все они только что возвратились с лова.

— Товарищи, почему вы молчите? — не слишком твердо спросила Аня.

— Нехорошо! — подхватил председатель.— Надо все ж таки поддержать, поскольку ходатайствовал сам Войтенко... А вы того... Очень даже обидно выходит для человека. Вот ты, например, Степанюк, отчего молчишь?..

— А чего мне сказать ей, Иван Иваныч? Сами знаете: ведь они линяют.

— Это, положим, верно,— почесывая затылок, кивнул председатель.— Что верно, то верно: раки линяют. В данное время они, так сказать, линяют... Ну, так, это самое, надо, стало быть, уважительно разъяснить товарищу, поскольку она студентка.

— Что? — чуть слышно спросила Аня. — А?.. Почему линяют?

— Очень обыкновенно,— ответил черный старик.— Потому, гражданочка, что линяют. Сбросили старые панцири, зарылись в ил и наращивают новую шкуру. Ну, а поскольку такое дело, то ловли раков в данный период нет. Мы с моря, ловим бычка...

— Что?! — дрогнувшим голосом повторила Аня.— Линяют?!.

(Все ясно: погнали ее за телегой, посадили на самолет, добросили до станицы Привольная, а раки линяют!.. Уж будто бы Войтенко — старый рыбак! — не знал, что они линяют.)

— Земляки,— грубым голосом сказал председатель станицы Привольной.— Они, конечно, линяют. Кто спорит? Линять линяют!.. И все же, поскольку, с одной стороны, Войтенко, а с другой — товарищ прибыла из Ленинграда — немалая отдаленность,— так пусть себе на здоровье линяют... Это с одной, так сказать, стороны... А с другой,— так это дело, если хотите знать, ни до кого не касается. И надо ей хоть примерно показать лов... И ты, Василько, да, да... вот именно ты,— закончил он, схватив за руку старика в конусообразной шляпе,— ты тут же с гражданочкой обусловь... Завтра утречком пораньше за ней и зайдешь. А в котором часу примерно, тут же с нею и договорись ко взаимному пониманию.

— Все. Прениев нет. Собрание закончено.

Что она сделала для того, чтоб над ней так зло подшутил Войтенко?..

Вчера вечером Аня пришла к нему в контору колхоза.

— ...А зачем разговоры-то разговаривать?— сказал он ей.— Завтра едет в Привольную наш садовод Андреев. Слыхали? Поедете вместе с ним. Привольная — место для вас подходящее...— И, сдвинув кепку, он погладил сияющую лысину...— Раки, а?.. Вам желательно ознакомиться с ловлей раков?.. Никто из ваших студентов и не вспомнит о раках. Скажете: «Хорошо присоветовал старый черт Войтенко».

— Это в ваших же интересах,— ответила Аня.— Рыбоводов даже тут, на Кубани, не так уж много... Я вам, может быть, пригожусь...

— А зачем загадывать наперед? При вашей аккуратной комплекции, и молодости, и белизне лица... Вдруг хвать — и выйдете замуж... А там, глядишь, и детки пошли... А? Вам желательно выйти замуж?

— Товарищ Войтенко! — оборвала Аня.

— А зачем сердиться? — спросил он ее.— Если вы будущий рыбник, так это вовсе еще не значит, что вы в девках сидеть обязаны... А ежели рассердились, что я намекнул на комплекцию, так, во-первых, это не сильно для вас обидно... А, во-вторых, я человек старый... Рыбник может быть — поверьте мне, старому петуху,— очень даже хорошей комплекции... Рассердились? Ну так бейте, бейте меня, косого, лысого черта. Я, знаете ли, по-стариковски, по простоте души...

Она не знала, что и ответить ему на это. Не поняла, смеется он или нет.

В желтоватом свете маленькой лампы, вокруг которой билась налетевшая из окон мошкара, глядело на нее без улыбки старое и лукавое лицо Войтенко с чуть косоватым глазом и большими, опущенными книзу усами казака.

Аня лежала на стожке сена, прикрывшись байковым одеялом, которое ей дала жена председателя.

Поодаль, на другом стожке, терявшемся во тьме, спал Андреев. Чуть слышно было его спокойное дыхание. Спали яблони. На каждой их ветке созревали яблоки. Спал старый рыбак, сняв на ночь свою островерхую шляпу. Все спало. Кроме Ани. Аня думала, как это нехорошо и неуважительно по отношению к ней, что раки линяют.

Но разве не все на свете линяет? Приходит осень, и деревья сбрасывают листки... Может статься, линяет и человек после сильных потрясений и бурь. Он сбрасывает старый панцирь и прячется, пока не отрастит себе шкуру потолще. Линяет земля, поскольку существуют времена года. Так какая же малость — усатый рак по сравнению со звездой (или, скажем, с созвездиями), рождениями, смертями, любовью...

А при чем тут любовь?

«Ты линяешь, Аня»,— ответила ей звезда.

...Как неистово орут кузнецы в траве! А может, это другое какое-нибудь насекомое, например, муравей?.. Завел свою невидимую волынку, о которой ничего не знает человек?..

Ярко-ярко зажег ночное тихое око светляк. Все звонче, все неугомоннее стрекотание кузнеца, учуявшего, что час его короток.

Аня вдруг ощутила себя как часть большого земного царства — его доброты, тревоги, могущества.

Мысли смешивались, ослепительные и вместе короткие, как это часто бывает ночью. Они взлетали, вызывая на глазах слезы.

О том она принялась думать, что, глядя на человека, никто не знает, какое у него прошлое. И о том, что никто никогда не хочет прощать, и о том еще, что председателева красивая дочка не только счастливее, но и понятнее и милее, чем она, недавняя фронтовичка Аня.

Аня вспомнила свой матросский кубрик. Очертания светлых гор в светлом северном небе. Вспомнила, как стреляли у пирса подводники, возвращавшиеся из ночного похода. Один залп — один потопленный вражеский транспорт; два залпа — два вражеских транспорта.

Вологодские девушки, которые жили вместе с ней в кубрике (она одна была ленинградкой), сильно окая, кричали: «Победа!.. Победа!»

«Победа, победа!» — вместе с ними кричала Аня. И взлетали от ветра на окнах кубрика марлевые занавески.

...Из дальней памяти вдруг вынырнуло странное, страшное.— Кресло. А на нем паралитик. Его голова бессильно кивает. Их было двое в безлюдии улиц, где по обе стороны мостовой стояли пожары... Женщина и паралитик. Одни на обезлюдевшей мостовой.

Горе недавно прошедшей войны существовало вокруг наперекор ее молодости, чувству добра и гармонии. Более того: все это как бы сделалось самой Аней...

Но рядом трепетало что-то в траве, а в воздухе что-то тихо-тихо похрустывало. Что? Ясно что: нежные косточки растущих абрикосов и слив. Или, может, это проклевываются сквозь землю острые головы новых трав?

...Отчего ты не спишь?

Как это «отчего»? От злости.

Я спала бы, если бы он не спал.

И вдруг вдалеке вспыхнуло чуть приметное, малюсенькое красное зарево — огонек спички. Он курил. Курил, обманутый ею, уверенный в том, что спит она.

И на самом деле, как только вспыхнуло багровое пламечко, словно напившееся кровью чужой тревоги, Аня уснула.

— Проснись, милуша,— сказал, наклонившись над ней, рыбак.— Пробудись, деточка.

Он стоял, повернувшись затылком к солнцу, отчетливо врезанный в белесое, еще не успевшее посинеть небо. Конусообразная шляпа спускалась ему до самых бровей.

...Росистая трава хлещет голые ноги.

— Дяденька, как вы думаете, а дяденька?.. Он пойдет, а?!

— А кто ж его знает. Это, я доложу тебе, деточка, какой еще рак попадется. Это зависит... Один крепко линяет, ну а другой... Это, деточка, как ему на сегодняшний день приспичит...

Вот берег реки. Вот лодка. Старик прыгает в лодку, помогает Ане прыгнуть за ним, и они отчаливают.

Вперед. В гладь озера, отражающего каждое облако, каждый листок. Вода неподвижна в тяжелой и вместе хрупкой тишине утра.

«Неужели все это правда? — думает Аня.— И старик, и лодка, и озеро?..»

Камыши. Настоящие. Каждая камышина оканчивается продолговатой щеточкой. Над камышом летают стрекозы. Над стрекозами — солнце. Оно опрокидывается на их хрупкие плечики, и стрекозы беспечно несут весь жар и блеск неба на узких стрекозьих спинах.

Бело-зеленые головы водяных лилий льнут к стоячей воде. Каждая капля этой воды напоена солнцем. Каждая, до того как скатится с весла, рассказывает: до чего ж это хорошо — быть водой. Водой из стоячего озера.

— Вчерась я, деточка, раколовки, конечно, расставил... В самую полночь,— шепотом говорит рыбак.— А пошел ли он — этого я, конечно, знать не могу.

И вдруг, схватившись за ветку кустарника, старик подтягивает лодку поближе к берегу. Он принимается что-то отвязывать.

Раколовка.

Из мелких ее глазков на дно лодки стекает вода... Что это?

А ничего. Это раки.

Шагают, шагают по кругу в сети-мешке, наползая один на другого, чуть шевеля хвостами. Слышится шелковый шелест ударяющихся друг о дружку рачьих клешней.

Старый рыбак то и дело причаливал к илистым выступам берега и таинственно, как думалось Ане, опознавал места, где расставили вчера раколовки. И всякий раз, что он вытягивал из воды мешок-сеть, у девушки перехватывало дыхание.

— Кажись, последняя раколовка, деточка...

«Сейчас я задумаю,— быстро решила Аня.— Сейчас, сейчас я задумаю...»

И задумала что-то свое, счастливое.

— Ан как бы́дто бы оторвалась?

— Да нет же, дядя... Не оторвалась, не оторвалась.

Долго вытекает вода из нитяных глазков раколовки, долго обрывает старик траву, вцепившуюся снаружи в нитяные глазки...

Ничего не видно. И вдруг старик говорит:

— Однако!..— и, раскрыв раколовку, выбрасывает раков в ведро.

Они шелестят, наползая один на другого, толкают друг друга неокрепшими панцирями.

Старик и Аня плывут назад. И вот уж они в станице — шагают босые по теплой земле. Аня держит в руках измокшие тапки.

А за ними бегут мальчишки и заглядывают в ведро старика.

Станица Привольная поставляла в ближние города живых раков.

Их продают в киосках и пивных, и никто над тем не задумывается, какое длинное они проделали путешествие.

Кто слыхал о том, что лучшая икра — на экспорт — идет из станицы Азовско-Охтурская? Кто знает, что главный промысел станицы Привольная — живые раки?

...Этим летом были, как видно, сильные перебои с транспортом: водоемы, где хранится улов, доверху полны раков. Их так много, что едва поблескивает вода меж рачьими спинками.

Раки безгласны, само собой разумеется, как большинство обитателей морей и рек. И все же был у них странный, тоненький рачий голос: они шуршали. От водоема исходил шелест, похожий на вздох. Это сталкивались друг с дружкой твердые рачьи панцири. Казалось, будто из водоема шла неумолкавшая, тихая речная жалоба: «Шу-аш, шу-аш...» Они медленно пятились, как и полагается ракам, наползали один на другого, ударялись головами об асфальт. (Ни тебе мягкого ила, ни тихой заводи!)

Мимо Ани, сидящей на камешке и глядевшей на водоем, прошел председатель колхоза, улыбнулся ей отчужденно и благожелательно. «Чудо-юдо, не девушка! Прибыла из Ленинграда, чтоб поглядеть на раков!»

Ане казалось, он думает: «И чего-чего только не бывает на свете?!»

Его младшая дочь родила мальчика, ела яблоки, веселилась в клубе. А эта сидит угрюмая и смотрит на водоем. Обхватила колени руками, не девушка — рачий профессор.

И как бы все это подтверждая, он спросил, усмехнувшись:

— Все на раков глядите?.. Неужели они уж такие для вас ненаглядные?

— Я жду,— ответила Аня.— Сами знаете: не полетишь без летчика.

— Небось, сейчас воротятся... Недолго ждать. И зачем же на самом солнцепеке?.. Мы вам давеча постелили в конторе, в комнате для приезжих. Вам в одной, а в другой, конечно, Иван Степанычу. (И в глазах его, как показалось Ане, вспыхнул лукавый огонь.) А вы оба спали в стогах!.. Да где ж это видано?.. В Азовско-Охтурской скажут: «Принять не сумели, бессмысленные».

— Да что вы, что вы! — успокоила Аня гостеприимного председателя.— Просто в комнатах было душно.

— Дни стоят погожие. Это верно,— ответил он ей.— Жара. Самое разлюбезное дело для кавунов и дынь. Овощ в это время уважает жару... А вам я вот что присоветую: пойдемте к нам, прилягте и отдохните. А то ежели не желаете у меня — может, внучек побудит,— тогда давайте в контору.

Из книги

САЯНЫ

У реки по прозванью Аха[1],
звонко скачущей по перекатам,
я сказал:— Здравствуй, брат мой, аха,—
и назвал тебя названым братом.

Ты сидел на кауром коне
и, подобно реке, был в движенье,
песню пел о родной стороне
так, что горы пришли в удивленье.

Что за невидаль горцу гора?
То ли дело для жителя степи:
закружилась моя голова,
как увидел я горные цепи.

Я, рожденный для быстрой езды,
обретающий в скачке отраду,
я хватал жеребца под уздцы
и прислушивался к камнепаду.

А когда разгорался костер
и коней отпускали на отдых,
ты с охотниками разговор
заводил, как заядлый охотник

Полыхали огни светляков,
с неба сыпались метеориты,
шумно таяло пламя костров,
и мерцали во мгле фосфориты.

[1] Аха — брат (бурятск.).

...Аня одна в прохладной тишине колхозной конторы. Она лежит на кровати и пытается задремать. Сложила руки ладонь к ладони, как дети, и обе под щеку...

Над ней колышется черное небо. С черного неба глядит на нее черепок разбитой хозяйской тарелки — луна...

Виноград. В каждой ягоде рябь озер, тихих заводей; в каждой зелень листвы, опрокинувшейся над речкой.

Полощутся травы в стоячей воде. Зарывшись в ил, дремлют раки: наращивают новые панцири.

Вихрь света, надежд, пронизанных солнцем легких теней, белые головы одуванчиков — все и вся раскачивается на ветру, рождая тревогу.

— Ой-е-е! — говорит хозяйка.— Я честненько вдовею...

И Аня вдруг просыпается.

Посредине комнаты, повернувшись к окну спиной, стоит Андреев. Он держит в руке банку с медом.

— Это для вас,— говорит Андреев.— Вставайте-ка. Будет спать.

Когда, умывшись и причесавшись, Аня вышла на улицу, садовод и летчик стояли у рачьего водоема. Председатель колхоза командовал:

— Загребай поглубже вон тем сачком!..

И слышался тихий шелест.

Подхватив корзину с обеих сторон, Андреев и летчик пошли к самолету. За ними — Аня, за ней председатель колхоза. Шествие замыкали мальчишки.

У белых хат стояли старухи и глядели им вслед, заслоняя глаза козырьком ладоней.

...Самолет дрогнул. Мелькнули деревья, хаты, заколебались крыши... На одной из них Аня успела разглядеть аиста.

Но вот хаты и реки — большие и малые — все это сделалось очень похожим на грубый макет. Еще минута, и земля превратилась в карту с грубо нарисованными речушками. Потом самым главным сделалось небо. Мимо окна кабины понеслось облачко.

— Э-эй, пилот!.. — заорал Андреев, пытаясь перекричать пропеллер.— Ты того... Доглядай за раками, а то как бы не расползлись.

Самолет раскачивало. Пассажиры чуть что не сталкивались друг с дружкой носами.

Аня закрыла глаза. Самолет перестал качаться, видно, сжалившись и желая дать ей время опомниться.

Аня вздохнула, раскрыла глаза... И Андреев, как бы ею обманутый, не успел сменить выражение задумчивости на выражение озабоченности по поводу расползающихся из плетеной корзины раков. Его лицо выражало усталость, грусть... Боль...

И Аню пронзило неожиданное открытие, что, быть может, и он жалел кого-то? Видел горькое горе. Был ранен. Потерял близких...

— А зачем вы гнали телегу? — резко спросила Аня.

Он вздрогнул.

— Я удирал от вас. Понимаете? Испугался. Ясно?

— Нет.

— Уж будто!.. Экая вы, однако, хара́ктерная. Это вы так говорите... наперекор.

Ее поразило насмешливо-твердое выражение его коротко и вместе жарко глянувших на нее глаз.

— Но почему?..

«Почему, почему, почему?»— сдвинув брови, все повторяла и повторяла Аня.

— Вот так сразу возьми и выложи вам, почему,— усмехнувшись, ответил ей садовод.— Сам не знаю.

Самолет дернуло. Глаза Андреева оказались очень близко от Аниных глаз...

Не понимая, что делает, холодея от ужаса, Аня закрыла глаза.

— Аннушка!..

Самолет, как будто бы размышляя, осторожно и неподвижно повис в синеве. И вдруг начал медленно опускаться.

Внизу завиднелась станица Азовско-Охтурская, сперва похожая на грубо нарисованную карту, потом на макет с крошечными, вытянутыми в ряд домиками. Полукругом вдавался в этот макет клин желтоватого Азовского моря.

...Крыши. Деревья. Поле. Аэродром.

Подскакивая и вздрагивая, самолет начал замедлять свой воздушный бег.

Аня увидела дом пилота.

Из дома вышла старуха. На руках у нее сидела грудная девочка. Старуха, должно быть, сказала девочке: «Папа ту-ту». Ребенок медленно поднял голову и улыбнулся слабой улыбкой.

Самолет вздрогнул и остановился.

Пилота встречали старуха и девочка. Девочка молча глядела широко раскрытыми молочно-светлыми глазами на растерянное, будто к чему-то прислушивающееся лицо пассажирки. Она смотрела то ли вперед, то ли мимо Ани... И даже словно бы сквозь нее, на дальнюю полосу желтого моря, выжженные поля и подернутую жарким туманом пьяную землю.

„Олений рог"

Дондок УЛЗЫТУЕВ

...Я купался в зеленой реке,
пил из желтого озера воду,
алый камень нашел на песке,
видел черный цветок в непогоду.

И чем дальше мы шли наугад,
тем родней становились отныне,
и уста мои крикнули: — Брат! —
где-то меж облаков на вершине.

И вскричал я в восторге: — Аха-а! —
и — «Ах-а-а!» — отозвались вершины,
и меня повторила река,
и ее повторили равнины.

С той поры не бывал я в горах,
но с тех пор в моем сердце навеки
запах розы в альпийских лугах,
и обвалы, и светлые реки.

Горный ветер гуляет во мне,
и шумят темно-синие ели,
плещет хариус на быстрине,
и трубят и ликуют олени.

Покорили Саяны меня,
а когда — не успел оглянуться.
Но дождусь ли счастливого дня,
чтобы вновь к этим тропам вернуться?

Ну, а если уже не приду
попрощаться с нетающим снегом,
я какой-нибудь выход найду —
стану горным раскатистым эхом.

Превращусь я в осенний туман,
опущусь на снега и остыну,
поднимусь над хребтами Саян
и дождем упаду в луговину.

И в охотника я превращусь,
и, в свое превращенье поверя,
я со старым Дэмбреном пущусь
по следам серебристого зверя.

Снова вспомню дорогу твою
и, взбираясь скалистой тропою,
о тебе эту песню спою
вместе с высокогорной рекою.

ТЕПЛЫЙ ДЕНЬ

Ребятишки в одних рубашонках
припустили по теплой земле.

За ребятами гуси вдогонку...
Шум и гам воцарился в селе.

Только дряхлая бабка Галана
греет спину, сидит у огня

и ворчит: — Веселиться-то рано —
что-то мерзнет спина у меня.

ЖЕЛАНИЕ

Ты поводья ко мне протяни —
пусть буланый подружится с серым.

Руки нежные мне протяни —
пусть подружатся сердце с сердцем.

Расседлаем усталых коней —
пусть пасутся в зеленом раздолье.

Будем счастливы тайной своей —
пусть любовь погуляет на воле.

* * *

В те далекие годы
я видел зеленые сны,
цвета степной травы.
В те далекие годы
мы с матерью стадо пасли
на склоне Пестрой Горы.

В те далекие годы
меня убаюкивал ветерок,
со мной заводил игру.
В те далекие годы
я увидел алый цветок,
трепещущий на ветру.

Белый ветер его трепал
на широком лугу,
я встал на колени и припал
левым ухом к цветку.
И вдруг я услышал тихий звон,
чистый, далекий звон.
Я от радости закричал:
— Колокольчик, я слышу тебя!
А цветок головою качал,
тонким звоном звеня.

С тех пор я вырос и повидал
белый бескрайний свет,
в южных странах я побывал
и в больших городах побывал,
где колокольчиков нет.
Видел оранжереи цветов,
но за сердце не брало
ни желтое золото лепестков,
ни лилии серебро...

А сегодня я снова
на склоне Пестрой Горы
и вспоминаю сны
цвета степной зеленой травы,
цвета синей весны.

Снова я на коленях стою,
снова тебя узнаю.
О колокольчик!
                В родных краях
ветер со всех сторон...
Вслушиваюсь до боли в ушах:
а где же далекий звон?

А ты молчишь на белом ветру,
кланяешься земле,
Пестрой Горе,
зеленой траве,
небу,
ветру
и мне.
Неужели не зазвенишь, как тогда,
неужели замолк навсегда?

Перевел с бурятского
Станислав Куняев.

Начало завтрашних КНИГ

Очерки и документальные повести о живых героях наших дней, выходящие под грифом «Люди Советской России», библиотечка «О красоте душевной», посвященная морально-этическим проблемам,— эти книги, издаваемые «Советской Россией», хорошо знакомы читателям.

Весной этого года издательство «Советская Россия» стало органом Союза писателей РСФСР. Корреспондент «Огонька» обратился к главному редактору художественной литературы издательства Владимиру Павловичу Туркину с просьбой рассказать о работе и планах редакции.

— Наше издательство стремится предоставлять трибуну преимущественно писателям, живущим в краях и областях, в автономных республиках, познакомить с их творчеством широкого читателя. Недавно сдан в производство посмертный сборник стихов Виктора Кеулькута с теплым предисловием Юрия Рытхэу; новая книга пермского писателя Виктора Астафьева; стихи «Бурлит Селенга» бурятского поэта Цырен-Базар Бадмаева. Не забыты и москвичи. «Милые красавицы России»— так озаглавлена новая стихотворная книга Ярослава Смелякова. Художник И. Игин написал книгу «Люди, которых я рисовал». Книга иллюстрирована рисунками автора.

В будущем году более половины плана составляют книги периферийных писателей: Петра Проскурина, Сергея Викулова, Евгения Носова, Николая Шундика, Владимира Санги, Элляя, Анвера Бикчентаева, Африкана Бальбурова. А из москвичей Ефим Пермитин дает свой новый роман, Сергей Крутилин — следующую книгу «Липягов», Владимир Попов — роман об инженерах большой химии, который называется «Разорванный круг», Александр Авдеенко — вторую книгу романа «Я люблю», Петр Сажин — повесть о войне "Три часа». И, конечно, принесли свои новые стихи поэты. Среди них — Виктор Боков, Владимир Костров, Александр Межиров, Гарольд Регистан, Сергей Смирнов.

Мы стараемся не пропустить ни одной интересной книги из тех, что выходят в разных областях, краях и республиках,— говорит Владимир Павлович.— С этой целью работники издательства выезжают на места, участвуют в обсуждениях периферийных журналов. Учитываются рекомендации местных отделений Союза писателей и партийных органов. На семинарах прозаиков и поэтов, проводимых Союзом писателей РСФСР, завязываются тесные творческие связи.

Вероятно, многие из тех, кто держал в руках сборник «День поэзии. 1963», обратили внимание на стихотворение Ивана Лысцова, которое начинается так: «На Заманном лугу, под большим рассыпчатым солнышком...» Автор — молодой поэт из Обнинска, недавно принятый в Союз писателей. Его книга «Благодарствую, жизнь!» привлекательна своей свежестью.

Ждем мы рукописей и от других участников семинаров — от строителя гидроэлектростанций, поэта из Ленинградской области Владимира Кулагина, от молодого писателя-моряка Александра Золототрубова, живущего под Мурманском, от новосибирского прозаика В. Коньякова.

Недавнему прошлому посвящена книга Серафимы Ивановны Фонской «У нас в Голицыне». С. И. Фонская, директор Дома творчества писателей, первая рассказала о том, что чувствовал и пережил А. И. Куприн, когда вернулся на родину. Она видела в работе и в повседневной жизни таких замечательных советских писателей, как А. С. Макаренко, А. Гайдар, П. Павленко, А. Малышкин. Из Голицына уходил на фронт Борис Горбатов и продолжал поддерживать связь с этим домом, навещая его в короткие дни возвращения с фронта. Большую помощь автору книги оказал Василий Субботин.

Есть у нас мечта — начать выпуск маленьких книжек, изящно сделанных полиграфически — по 10—12 книг в одной картонной кассете. Первую кассету озаглавить так: «Древнейшие литературные памятники Руси»— и включить в нее «Слово о полку Игореве», «Задонщину», лучшие былины. А потом — поэты пушкинской поры, плеяда поэтов-декабристов, поэты — современники Некрасова. Издание должно быть недорогим, доступным, хрестоматийным, не очень «академичным». Одна из книг в кассете — живой рассказ литературоведа о книгах, составляющих всю кассету.

Для тех, кто интересуется проблемами литературного мастерства, «Советская Россия» издает серию «Писатели о творчестве». Она начала издаваться год тому назад — правда, первоначально под другим названием,— и уже вышли книги В. Каверина, Д. Бедного, Вл. Лидина, А. Твардовского, Ю. Нагибина. А теперь готовятся книги Н. Асеева, К. Федина, Вс. Иванова, Е. Винокурова и многих других. Начинается издание еще одной новой серии литературных портретов —«Писатели Советской России». Л. Якименко пишет о М. А. Шолохове, А. Коваленков — о М. Исаковском, А. Кешоков — о Кайсыне Кулиеве, Р. Бикмухаметов — о Мусе Джалиле (книга выйдет к 60-летию со дня рождения поэта).

Словом, планов и замыслов у нас много,— заключает свой рассказ В. Туркин.— Непосредственная связь с Союзом писателей РСФСР — огромное дело для издательства, для периферийных писателей, для роста всей нашей литературы.

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

ГВАРДЕЙСКИЙ ЧАЙ

И очутятся на бреге
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,—
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.

А. С. Пушкин.

Морская пехота предназначается для форсирования широких водных преград и выполняет задачи в интересах флота и сухопутных войск.

Сегодня была проведена высадка усиленного подразделения морской пехоты на необорудованное побережье с целью захвата его участка и обеспечения высадки последующих подразделений.

В ходе учений хорошо действовали пехотинцы гвардии подполковника Сысолятина, танкисты гвардии капитана Баранова, саперы гвардии младшего сержанта Лабокойс и водолазы гвардии старшины первой статьи Куценко.

(Из беседы с командиром.)

Возможно, и даже наверное, заварка, с точки зрения изощренного чаевника, не является вкладом в гастрономическую науку, но такие приправы, как свежий ветерок с моря, запоздалая и поэтому еще более милая зелень окружающих берез, дымы походных кухонь, а главное, усталость после сегодняшних учений, составляют такой букет, что полуведерный чайник пустеет буквально за минуту.

Звякают котелки и каски. Командир радушно угощает чаем, а передо мной снова встает сегодняшнее неласковое утро, и я пытаюсь понять, почему не сделал до сих пор фотоснимка этого офицера.

Прежде всего, конечно, за ним трудно угнаться: он то в штабном, обросшем антеннами «бро́нике», то на своем «газике», то вообще неизвестно где. А во-вторых, за короткие секунды, когда он в поле зрения аппарата, никак не удается увидеть его глаза. Всем он хорош: высокий рост, отличная фигура, красивая форма. А вот глаза! Припухшие от ветра и света веки, постоянный прищур, вызванный необходимостью не упустить ничего из окружающего, совершенно скрывают от меня глаза Сысолятина. А какой же портрет без глаз?

...И снова вспоминаю, как похожие в своих скафандрах на водолазов и космонавтов, пехотинцы выходят прямо из пены морской,— идут вдоль прибрежной белопенной полосы, расчищая от мин участок побережья, к которому уже движутся десантные корабли. Это произошло вскоре после того, как в глубине укрепленного района «противника» из грохота и багрового пламени поднялся к облакам черный гриб «атомного» взрыва.

Фантастическими морскими черепахами неотвратимо приближаются БТРы; легкий туман и серая вода еще скрывают их форму и цвет, зато хорошо видно, как то на одном из них, то на другом распускаются и пропадают оранжевые, яркие цветы. И не сразу поймешь, что это по берегу ведут огонь пулеметчики «бро́ников»: звук их стрельбы не слышен — в это время на берегу разрывы и выстрелы глушат все.

С ходу на берег, а порой и прямо в воду бросаются гвардейцы вслед за танками, стряхнувшими с себя пену и прокладывающими дорогу пехоте. Тут же, почти с места высадки, открывают огонь минометчики. Дальше и дальше вглубь уходит «бой». В самое сердце обороны «противника» устремлены огненные стрелы усовершенствованных, компактных «катюш», вынырнувших из моря.

Алой искрой сверкнуло вдалеке знамя и пропало. Нет, оно не упало: его скрыл склон высотки, окутанной дымом...

Иван Иванович угощает чаем. Он сидит совсем близко, что-то говорит, и я наконец вижу его теплые глаза цвета хорошей чайной заварки.

«Тридцать три богатыря...»

— Вас понял!

Все дальше уходит «бой».

Замечен корабль «противника».

Сторожевой корабль «отбивает атаку».

С ходу — в бой!

Я должен был продемонстрировать группе студентов сеанс гипноза. Для этого пригласил знакомого мне легко внушаемого больного. Он подвел меня: не пришел. Я уже было собирался ограничиться обыкновенной лекцией, как вдруг в комнату вошли двое: старушка и мужчина лет сорока. С первого взгляда было ясно: передо мной ярко выраженный алкоголик. Такие редко идут к врачу добровольно, чаще они обращаются в крайнем случае, когда над ними нависает угроза суда или что-нибудь в этом роде.

Так было и с вошедшим. От него, забрав детей, ушла жена, начинались крупные неприятности на работе, да и мать-старушка насильно привела его ко мне, не желая больше терпеть в доме пьяные выходки. Сын согласился прийти лишь затем, чтобы врач расписался в своей беспомощности (в этом он не сомневался), а другие убедились в том, что он болен неизлечимо. Тогда — раз и медицина бессильна — ему можно будет безнаказанно пить. Только этого он и хотел.

Делать было нечего. Я решил попробовать. Усадил его в кресло, задернул шторы, притушил свет. Начал говорить: «Закройте глаза! Сейчас вы уснете! Вы будете спать и слышать только мой голос! Я начинаю сеанс лечебного гипноза!»

Он заснул очень быстро. Я смочил в водке вату и поднес ее к носу спящего. По мере того, как он вдыхал запах алкоголя, я продолжал говорить: «Вы чувствуете запах и вкус водки! Водка вызывает у вас чувство отвращения! Тошноту! Рвоту».

Алкоголик оказался сомнамбулом, то есть человеком, на которого гипнотическое внушение действует с особенной силой. Надо было видеть, что с ним творилось... Через некоторое время я закончил сеанс.

Больной проснулся. До сих пор безумно жалею, что в тот день у меня не было фотоаппарата под рукой. Уж очень разительно отличался мой пациент, когда он переступил порог комнаты — наглый, презрительный, самодовольный, убежденный в своей безнаказанности, в своем праве делать все, что ему заблагорассудится,— и в момент, когда он проснулся,— измученный, обмякший, потускневший; в глазах его притаились страх и изумление. Он не понимал, что с ним случилось.

Я понял, что лечение гипнозом может помочь ему, и предложил зайти через неделю на повторный сеанс. Надо было закрепить отвращение к водке. Однако больной не пришел ни через неделю, ни через две, и вообще я его больше не видел. Спустя месяца полтора ко мне пришла его мать и стала жаловаться на «супостата».

— Знаете, доктор, всю дорогу, как ушли мы от вас, он меня за руку крепко держал и все говорил: «Ну, мать, я этого так не оставлю... я бороться буду... хилый он против меня, доктор-то твой...» Я просила его послушать доктора, а он стал бороться. Стал каждый день водку пить. Он пьет, а его рвет, он пьет, а его рвет. С месяц, наверное, это продолжалось. Зато теперь опять, как и до прихода к вам, пьет свободно.

И в голосе матери послышались нотки сожаления и удивления. А я тогда тоже проникся чувством сожаления. Подумать только, целый месяц этот человек, страдая, пытался сбить, погасить рефлекс, боролся месяц с рефлексом, выработанным всего за один короткий сеанс. Я подумал о том, чего лишил себя этот человек, оттолкнув руку помощи врача. А с еще большим сожалением подумал я о нас самих, о врачах. Как мало мы пользуемся и еще меньше совершенствуем эту огромную силу — гипноз.

...Так начал беседу с нашим корреспондентом профессор В. Е. Рожнов. Вместе с другим советским специалистом, профессором Ф. В. Бассиным, он был делегатом состоявшегося недавно в Париже III Всемирного конгресса по гипнозу и психосоматической медицине. Наш корреспондент попросил Владимира Евгеньевича ответить на ряд вопросов, касающихся проблемы гипноза.

«Огонек» берет интервью

Врачи возвращаются к гипнозу

Профессор В. Е. РОЖНОВ, делегат III Всемирного конгресса по гипнозу

Фото И. Романова.

— Прежде всего о конгрессе. Что послужило поводом к его созыву?

— Повышение интереса к гипнозу во всем мире. Надо сказать, что это интереснейшее психическое состояние — гипноз — то привлекало всеобщее внимание, то о нем забывали на долгие годы.

«Золотой век» гипноза—70—90-е годы прошлого века, когда парижские медики во главе со знаменитым невропатологом Шарко создали всемирно известную школу психотерапии. Именно тогда, в 1889 году, в Париже был созван первый международный конгресс по экспериментальному и лечебному гипнозу. На этом олимпе специалистов были и русские знаменитости — петербуржец В. М. Бехтерев и москвич Н. Н. Баженов. Затем сравнительно скоро, в 1900 году, там же, в Париже, был проведен второй конгресс. С тех пор гипнологи мира ни разу не собирались. И вот недавно состоялся третий конгресс.

— Чем же можно объяснить этот столь большой интервал между вторым и третьим конгрессами?

— Объясняется это тем, что с начала нашего века увлечение гипнозом ученых и лечащих врачей начало постепенно ослабевать. Медики и психологи Запада всецело занялись психоанализом — методом лечения, предложенным, как известно, венским психоневрологом Фрейдом. Гипноз, как научная и практическая проблема, был отодвинут на второй план. Значительно обеднел арсенал врачебных возможностей. Представление о гипнозе у большинства людей и по сей день остается таким же, как у наших бабушек и дедушек.

Однако все чаще стали раздаваться критические замечания в адрес психоанализа. В последние годы многие врачи начали говорить, что психоанализ изжил себя, оказался несостоятельным. Необходимо подчеркнуть, что советские медики никогда не увлекались этим методом, считая его ненаучным. И не случайно доклад профессора Ф. В. Бассина, посвященный критике фрейдизма, был выслушан участниками последнего конгресса с большим вниманием.

Когда почва под зданием, воздвигнутым Фрейдом, стала оседать, вновь вспомнили о гипнозе. На Всемирном конгрессе этого года собралось 350 специалистов из многих стран мира. Среди основных вопросов, обсуждавшихся на нем, большое внимание было уделено сущности гипноза и его возможностям как средства лечения. В частности, мой доклад был посвящен физиологическим механизмам гипноза различной глубины.

— Какова природа процессов, происходящих в момент гипнотизирования?

— Во второй половине XVIII века с легкой руки знаменитого в то время венского врача Месмера широко распространилось мнение о существовании особой материальной субстанции—флюиде, который, наподобие волн и струй, распространяется от магнетизера и, проникая в организм больного, производит необходимый эффект. И хотя «терия флюида» была очень скоро опровергнута специальной комиссией Французской академии, тем не менее среди непосвященной публики можно и сейчас услышать, что гипнотизация сопровождается передачей каких-то особых «токов» и «волн».

Гипнолог действует прежде всего словом, речью, он произносит слова медленно, монотонно, веско, но действует главным образом их смыслом, а не манерой произношения. Комплекс ощущений, рождающихся в сознании больного под воздействием слов гипнотнотерапевта, и является той силой, которая погружает в гипнотический сон.

Что же касается сокровенных процессов, происходящих в мозгу гипнотизируемого, то здесь еще много, пожалуй, даже слишком много неясного. В основе гипнотического состояния — торможение большей части головного мозга и сохранение бодрствующего участка в коре, через который поддерживается «раппорт» — связь врача с пациентом. Это установлено школой И. П. Павлова лет сорок тому назад, и дальнейших исследований проведено мало. Исследование биохимических и электрофизиологических процессов, развивающихся в клетках мозга в состоянии гипноза,— одна из важнейших задач, стоящих перед современной медициной.

— Значит ли это, что за последние годы гипноз полностью выпал из сферы внимания врачей?

— Нет, конечно. В частности, психотерапия сейчас начинает широко применяться в борьбе с болью. Например, харьковский профессор И. З. Вельвовский является автором всемирно известного метода психопрофилактики боли при родах, в основу которого положен механизм психотерапевтического воздействия на беременных женщин и рожениц.

Пока все или почти все хирургические вмешательства проводятся под наркозом, вызываемым различными веществами, такими, как хлороформноэфирная смесь, соединения азота и т. д. Молекулы этих веществ, соединяясь с нервными клетками, на какое-то время парализуют их; нервная ткань теряет способность воспринимать болевые раздражения. Однако наркотизация сопровождается достаточно нелегким «похмельем».

Возникает мысль: а нельзя ли заменить наркоз гипнозом? Ведь если хорошо загипнотизировать больного, то можно произвести даже очень сложную операцию, во время которой он не почувствует боли. Известно, например, что, когда во время второй мировой войны у англичан, осажденных японцами в Сингапуре, кончились наркотические вещества, врачи прибегли к гипнотическому обезболиванию и таким путем спасли жизнь большому числу раненых.

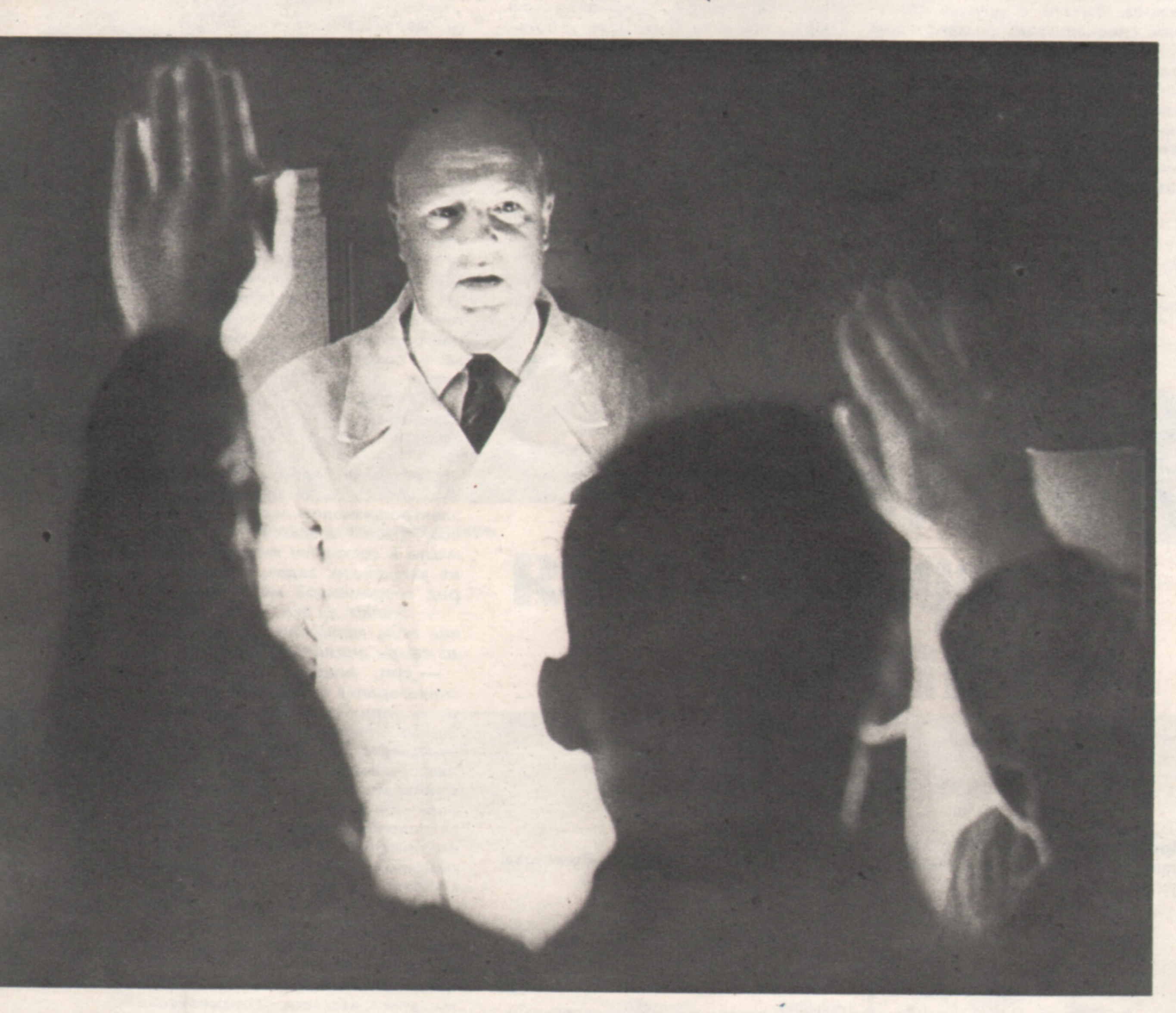
Не все люди поддаются гипнозу в равной степени. Тогда, может быть, есть смысл в сочетании гипноза с наркотическими веще-

ствами? Этот вопрос в настоящее время изучается анестезиологами и психотерапевтами ряда стран, в том числе и в Советском Союзе. Предварительные данные достаточно обнадеживающи; комбинация гипнотического внушения с фармакологическими препаратами позволяет резко уменьшать дозу последних и, таким образом, облегчать течение послеоперационного периода.

Позволю себе небольшое отступление. В капиталистическом мире о том или ином достижении медицины можно судить по тому, как к нему относятся бизнесмены. Они не пропустят ничего, что сулит хотя бы малейшую выгоду. Попал в сферу их внимания и гипноз. В частности, в Токио создан специальный «Центр промышленной психологии», где методам гипнотического воздействия обучаются руководители японских учреждений и предприятий. Такие руководители затем подвергают гипнотическому воздействию своих работников, например, продавщиц крупных универмагов. Продавщицы дорабатывают до конца дня в надлежащем тонусе. Но отсутствие необходимого отдыха, обманывающее состояние бодрости приводит к более быстрому истощению организма.

— Позвольте вернуться к механизму развития гипнотического состояния. Вы говорите, что гипнотизирующий воздействует на человека главным образом словами. А чем воздействуют на бессловесные существа? Отчего возникает гипнотическое состояние у животных?

— Этот вопрос имеет интересную историю. Когда ученый-монах Афанасий Кирхер описал в 1646 году свой чудесный опыт по «обездвиживанию» животных, все были поражены. Трудно было понять, почему, например, курица, после того как ее быстро положили на бок и провели около головы прямую линию мелом, остается неподвижной. Почему, скажем, кролик, перевернутый резким движением на спину и удержанный в таком положении несколько секунд, сохраняет его довольно длительное время?

Ответы на все эти вопросы были получены, когда стали понятны физиологические механизмы таких явлений. Одним из больших специалистов в области гипнотизации животных считался харьковский профессор физиологии В. Я. Данилевский. Его исследования показали, что бессловесные существа потому впадают в гипнотическое оцепенение, что в их нервной системе, в их головном мозгу тоже развивается торможение, как и при гипнотизации человека. Но не после слов, а в результате воздействия резкими и необычными раздражителями.

Сейчас признано, что гипноз — это вполне определенное физиологическое явление, имеющее свою материальную основу. Под гипнотическим состоянием и у человека и у животных надо понимать своеобразный ответ нервной ткани на специальные раздражения, ее способность отвечать на эти раздражения частичным торможением своих функций.

— В чем различие между такими понятиями, как гипноз и внушение?

— Гипноз и внушение — это такие явления, которые можно рассматривать отдельно, как самостоятельные понятия. И в то же время между ними невозможно провести глубокого водораздела. Нельзя сказать: вот отсюда начинается чистый гипноз, а отсюда — рафинированное внушение.

Если речь идет о словесном воздействии на больного, основным началом будет внушение. Одновременно в любом внушении есть элементы гипноза. Такие, как, например, громкость голоса, манера и сила, с которыми произносятся слова, их ритм, эмоциональная напряженность. Эти факторы, помогающие словам, больше относятся к области гипноза.

Взять хотя бы такой пример. Лектор входит в аудиторию, полную студентов, вынимает из кармана пузырек с притертой пробкой, просит внимания и очень спокойно говорит: «Я хочу проверить скорость распространения запаха в этом помещении. Во флаконе эфир. Прошу присутствующих, как только они услышат запах, поднять руку». После этого лектор открывает флакон и молча ждет. Вот поднимается одна рука в первом ряду, вот вторая, затем руки стали подниматься в следующих рядах, и наконец «запах» дошел до задней стены аудитории. А запаха-то никакого и не было, так как во флаконе находилась обыкновенная вода. Какое психофизиологическое явление нужно признать ведущим в этом эксперименте? Конечно, внушение.

А вот другой пример. В свое время известный саратовский хирург профессор П. П. Подъяпольский поражал скептиков таким «фокусом». Он погружал добровольца в сон, вынимал из портмоне серебряную монету, прикладывал ее к руке спящего и говорил: «Я прижигаю вашу руку раскаленным железом!» Человек испуганно отдергивал руку, а на месте, к которому прикладывалась монета, через несколько часов возникали явления как от настоящего ожога — краснота, боль, отек, пузырь.

Скептики настолько не могли поверить во все происходящее, что несколько раз прибегали к специальному контролю: сразу же после прикладывания «раскаленной» монеты они забинтовывали это место и, чтобы под перевязку нельзя было ввести какие-либо обжигающие вещества, накладывали на бинты специальные сургучные печати. И тем не менее на следующее утро под нетронутой повязкой вздувался пузырь. Вот в этом эксперименте основным воздействующим фактором является гипноз.

Позволю себе еще одно объяснение. Представьте человека, не знающего языка, на котором говорит гипнолог. Такого человека все же можно ввести в гипнотическое состояние, прибегнув к некоторым неожиданным раздражителям. Но внушить ему ничего не удастся. Ибо для того, чтобы внушение дало результат, необходимо понимать язык, на котором оно ведется.

— И еще один, последний вопрос: как вы представляете себе будущее гипноза?

— На мой взгляд, без гипноза просто не удастся по-настоящему глубоко изучить психику человека. Только с его помощью можно будет проникнуть в такие сокровенные стороны психических процессов, которые никаким иным способом познать невозможно.

Когда Павлов начал изучать высшую нервную, или, говоря другими словами, психическую, деятельность собак, он сразу же столкнулся с большими трудностями. На мозг собаки одновременно падало очень много самых разных раздражителей: запахи, звуки, вид экспериментаторов. Это отвлекало животное. Нельзя было решить, на что же оно в данный момент прореагировало: на специальный сигнал, поданный исследователем, или на случайное побочное раздражение. А для успеха эксперимента необходимо было выделить какую-нибудь одну психическую функцию, скажем, возникновение чувства голода. И до тех пор, пока не было построено специальное здание — знаменитая «башня молчания», где животное оставалось в экспериментальной камере одно, совершенно изолированное от мешающих раздражений внешнего мира, опыты по изучению высшей нервной деятельности не давали четких результатов.

Думается, что при изучении психических возможностей человека именно гипноз сможет сыграть роль своеобразной «башни молчания», построенной в самом мозгу человека. Затормаживая с помощью гипнотического воздейст-

вия одни психические функции и оставляя бодрствующими другие, предназначенные для исследования, экспериментатор получит возможность выделить из массы психических процессов именно те, которые ему будут нужны.

Надо сказать, что мы до сих пор недостаточно экономно, недостаточно целесообразно используем возможности своего мозга. Ведь давным-давно известно, что наибольшая продуктивность всегда достигается на фоне хорошего, предельного внимания. Мы всегда отмечаем, глядя на успешно работающего токаря или ловкого циркового артиста, его исключительную сосредоточенность на выполняемом деле. Хорошо идущая работа сама мобилизует мозг на высокое внимание. А если рассмотреть эту связь в обратном направлении — чтобы работа шла успешно, надо научиться предельно сосредоточиваться на ней. Думаю, что это обстоит именно так. Но искусство сосредоточения, искусство высокого целенаправленного внимания многим пока просто недоступно. То есть недоступно управление очень важной возможностью психики. Надеюсь, что с помощью гипноза можно будет вскрыть интимную сущность этого психического процесса и поставить его на службу людям.

Сила сосредоточения ассоциируется таким образом: возьмите иголку — ею вы легко проткнете холст. А если давить на него всей пятерней, то ткань не поддастся. Так же и сосредоточенный ум может проникать в такую суть явлений, которая разбросанному, неорганизованному вниманию просто недоступна.

Не надо только думать, что с помощью гипноза удастся извлекать из человека такие способности, какими он от природы не обладает. Нельзя будет, например, научить петь безголосого. Но помочь человеку с максимальной эффективностью пользоваться своими различными способностями, которые почему-либо плохо реализуются, можно. Вспомните хотя бы, как некоторые, особенно начинающие, артисты не могут раскрыть свой талант из-за волнения, боязни публики. Несомненно, что с помощью внушения или разумного самовнушения подобные помехи удастся ликвидировать без особого труда.

Но как ни заманчиво будущее гипноза, меня, честно говоря, больше волнует его настоящее. Ибо пока гипноз, одно из замечательных состояний мозга, изучен далеко не так, как он этого заслуживает. Во Франции пресса довольно широко освещала работу конгресса. В одном из журналов корреспондент писал приблизительно так: открылся конгресс о науке, которую не преподают ни на одном факультете мира, но которая тем не менее производит фурор в мюзик-холлах. Корреспондент этот ошибся. У нас в Харькове, при Украинском институте усовершенствования врачей, уже пять лет существует специальная кафедра психотерапии. Но этого, конечно, очень мало. Методами гипноза должен владеть врач любой специальности. Необходимо в каждом медицинском институте преподавать этот предмет. Только тот врач, который, помимо своей специальности, вооружится еще и знаниями психотерапии, может считаться современным врачом в полном смысле этого слова.

Я нашел самого себя

Н. ТОЛЧЕНОВА

Эстонский художник Пауль Камм

Фото И. Тункеля.

Белая ночь царит на острове Хийумаа. В городе Кярдла все ей рады — спать никто не ложится. Нагулявшись, парни отправляются испытывать храбрость своих подружек на качелях, к празднику поставленных у самого моря. Кто-то тронул струну на гитаре, кто-то негромко запел; девичий голос подхватил песню, но подружки, спохватившись, остерегли певунью:

— Тише, Аста! Пауль, может быть, спит...

И дальше по улице Тийги, мимо дома номер сорок, приютившегося в яблоневом саду, пошли умолкнув.

А Пауль лежал, не зажигая огня, но не спал. Он тоже праздновал нынче белую ночь и еще одно важное для себя событие, о котором никто пока не знал. Широкие окна в его комнате открыты настежь; можно работать, но сегодня Пауль не хотел браться за карандаш.

Протянув руку к столику, Пауль взял маленькую книжку, повернул развернутой страничкой к окну и принялся внимательно ее рассматривать. Книжку эту — членский билет Союза художников СССР — Камму только что прислали из Москвы, и он долго глядит на нее, как на чудо.

А это чудо и есть!

Наверное, вы тоже будете так думать, познакомившись с Паулем. Войдите же к нему,— он все равно не может заснуть, потому что волнуется. Правда, волнение это счастливое. Именно поэтому он и разделит его с вами. Если бы случилось горе, он молчал бы и терпел: такой уж у него характер...

Итак, знакомьтесь: художник Камм!

Пауль протягивает руку. У него крупная горячая ладонь и длинные, гибкие пальцы, улыбается спокойно и дружелюбно: видно, что и в самом деле вам рад. Он заговорит искренне, доверчиво и просто, словно вы давние друзья. В его негромкой, отчетливой речи русские слова перемежаются с эстонскими. На крупном, резко вылепленном лице, в больших блестящих серых глазах вы прочтете безмерный интерес к новым, появившимся возле него людям, к жизни вообще.

За окружающим Пауль наблюдает неустанно. Всецело поглощенный изучением и творческим освоением жизни, он не знает бездействия, не ведает ни скуки, ни уныния, умеет ценить то, чем владеет. Он говорит:

— Почему-то не все люди представляют себе, какое это богатство — здоровые руки!..

Свои руки Пауль заставил быть здоровыми. Пальцы его едва удерживали карандаш, когда врачи — после четырех лет упорного лечения — признали заболевание центральной нервной системы у Камма неизлечимым.

Пауль рисует так, будто он здоров и счастлив. Утратив здоровье, он не утратил ни воли к счастью, ни способности быть счастливым.

— Я нашел самого себя,— говорит Пауль.— А это очень много! О живописи, о рисунке мечтал с детства, но отец мой на свои рабочие копейки ничего не осилил бы...

Помолчав, Пауль добавляет с улыбкой:

— Во всех явлениях есть, по-моему, свое «за» и свое «против». Болезнь дала мне столько свободного времени для учебы! Не все здоровые люди могут опять-таки этим похвастать: им ведь всегда некогда!

...Нездоровье свалило Камма с ног двадцать три года назад. Ровно столько же лет было ему, когда началась война. Таллинский рабочий-текстильщик, Пауль Камм был зачислен в армию связистом артиллерийского батальона.

Весной 1942 года часть, где служил Камм, форсировала реку. Истончившийся лед трещал под ногами. Вдруг Пауль увидел: тонет пушка. Он бросился на помощь бойцам. Орудие спасли, вытащили из ледяной воды, а сами остались в промокших шинелях, хлюпающих сапогах... Мартовский ветер пронизывал людей насквозь, и одежда покрылась льдом. В тот же день Пауль слег. Из госпиталя его эвакуировали в тыл.

Лечили Камма лучшие врачи да и собственное упорство. Однако случай оказался безнадежным — так его квалифицировала медицина.

Что оставалось делать Камму? Он стал тренировать руки: писал письма, рисовал целыми днями. Краски по самой своей технике были для него недоступны. Поэтому Камм сначала просто смирился с графикой. А потом уж и полюбил ее.

Но Пауль не просто рисовал то, что видел вокруг себя или помнил, хранил в душе еще от прежних дней. Ему все больше хотелось учиться рисунку, знать искусство, историю его развития. И тогда художники Эстонии пришли на помощь Паулю Камму. Таллинский институт истории искусств взял над ним постоянное шефство.

Друзья Пауля — очные и заочные — высоко ценят самобытное творчество Камма, его прирожденные способности. Друзья-художники бережно раскрывают эти способности Пауля. Они учат его технике рисунка, помогают разбираться в тайнах светотени, делающей рисунок более выразительным...

— Мне трудно назвать всех моих учителей, но я им всем бесконечно благодарен! — с признательностью говорит Камм.

Действительно, его учителей не перечислить! Одни привозят сами, другие присылают по почте альбомы, показывают ему свои эскизы и зарисовки; приезжают на Хийумаа, чтобы просто навестить Пауля, поделиться замыслами. И каждый художник, хоть раз побывавший в доме Камма, следит по его рисункам за тем, как художник совершенствуется.

«В вас воплотилась сила духа нашего маленького народа»,— пишут Паулю пионеры Маардуской школы.

«Мы гордимся вами, как эстонским Николаем Островским»,— телеграфируют Паулю горняки Кохтла-Ярве...

Почту Пауля в Кярдла приходится иной раз доставлять дважды в день; письма не просто радуют, а поддерживают жизнь этого необыкновенного человека.

Пишут ему многие люди самого разного возраста и самых разных профессий; люди знакомые и незнакомые. Паулю пишут как другу — в радости и в беде. Пишут те, кому трудно, кому хочется почерпнуть зарядку бодрости в сильной душе. И те, кто, однажды познакомившись с Каммом, просто принял в свое сердце и полюбил навсегда чудесного человека, художника и борца.

Мартти ЛАРНИ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

ОБ ЭГ
ПОМ

Роман-памфлет

Глава десятая

В середине ноября меня пригласил президент Бос Таурус. Он просил доложить обстановку, поскольку дело Барбатуса явилось причиной серьезных международных осложнений. Помимо Куропотамии, Лакония разорвала дипломатические отношения с двумя молодыми африканскими государствами и с королевством Линдус. Между Лаконией и Куропотамией шла холодная война. Началось с того, что Куропотамия отказалась покупать у Лаконии гусиные яйца, детективные фильмы и художественные порнографические альбомы. Лакония, со своей стороны, запретила ввоз куропотамского текстиля, фото- и кинокамер и хлопушек для отпугивания бродячих собак.

Положение стало критическим после того, как было объявлено, что Луций Акантия застрелил в воротах тюрьмы сводника Микротуса и его помощника Гуло, обвиняемых в ограблении ювелирного магазина Барбатуса. Знаменитый снайпер и чемпион Олимпийских игр Цезарь Коммиус выступил с авторитетным заявлением, утверждая, что выстрелы были произведены не из пистолета, а из крупнокалиберной полуавтоматической винтовки, оснащенной оптическим прицелом. Такое оружие рассчитано для поражения цели с большой дистанции, но не отличается скорострельностью. После каждого выстрела приходится делать специальное движение, чтобы перезарядить винтовку. Оптический прицел ограничивает поле зрения стреляющего и тем самым осложняет его задачу, так как после каждого выстрела необходимо вновь найти цель. Поэтому невероятно, чтобы Луций Акантия мог поразить две цели в течение пяти секунд. Следовательно, кинорепортаж, на котором запечатлено происшествие у ворот тюрьмы, является лишь грубой подделкой.

Прежде всего настораживает, что снимали куропотамской камерой и на куропотамской пленке; во-вторых, вся стрельба, видимо, была заранее срепетирована; в-третьих, Луций Акантия настолько близорук, что не мог бы разглядеть никакой мишени; и, в-четвертых, снайперские винтовки с оптическим прицелом имеет на вооружении, между прочим, Куропотамия. Так что здесь налицо явная провокация. Очевидно, все это ловко подстроили тайные агенты Куропотамии, чтобы вызвать международные осложнения. И вся эта дикость возникла лишь из-за того, что Лакония отказалась покупать у соседней страны ее дрянной текстиль, ненадежные кинокамеры и слишком громкие собачьи хлопушки.

Президент выслушал мой доклад и со вздохом сказал:

— Смутно, весьма смутно. Но все же цель достигнута: дипломатические отношения с Куропотамией разорваны. Теперь лишь остается придумать повод для объявления войны. Будем надеяться, что Совет Безопасности не сможет остановить наши действия. А в действительности, дорогой мой Тимидус, какова истина в деле Барбатуса? Выяснится ли она когда-нибудь?

— В какой-то мере,— ответил я уклончиво.— Десять человек можно предать суду.

— И виновники находятся среди них?

— Они все так или иначе замешаны в ограблении.

— Понимаю. Значит, министерство полиции сохраняет свою добрую славу...

Президент добродушно усмехнулся. Это был исключительно умный и крупный человек, не забывающий прошлого. Во время президентских выборов я оказал ему значительные услуги, и он остался моим другом. Редкий случай. Обычно все те, кому я помогал, становились моими врагами. Они считали благодарность проявлением слабости характера. Президент продолжал:

— Когда же будет суд?

— Как только нам удастся подобрать присяжных. Но тут возникли большие трудности. Пока из десяти тысяч мы смогли выбрать лишь двоих: это один престарелый торговец из пассажа и одна старая дева. У них совершенно чистая совесть...

— И, наверное, безупречное прошлое,— добавил президент.— Каких приговоров следует ожидать?

— Это зависит от состава присяжных. Ряд известных ученых юристов считает, что всех подсудимых следовало бы приговаривать к смертной казни, а уж потом часть из них можно было бы помиловать и выпускать на свободу.

— Ты уверен, что Луций Акантия застрелил арестованного Микротуса и его пособника Гуло?

— Уверен, потому что сотрудники моего бюро засняли на пленку весь инцидент.

— Разве это твои ребята снимали? — удивился президент.

— Мои. Но потом, правда, по секретному распоряжению министра юстиции фильм объявили сомнительным, а Луция Акантию — невиновным.

— Совершенно верно... Так на самом деле и было. Я уже забыл отдельные подробности. Да, по правде говоря, вся эта карусель вокруг Барбатуса мне и поныне представляется сомнительной. Твоя задача — разобраться, расследовать, чтобы была полная ясность. Сколько времени тебе потребуется?

— Расследование может продолжаться шесть лет, но его можно закончить и в два часа. Если начнется война с Куропотамией, дело Барбатуса поневоле придется положить под сукно, а там оно само присохнет. Ведь и в прошлую войну мы так похоронили многие незаконченные судебные дела.

— Ты циник, друг мой Тимидус. Кстати, когда ты женишься?

Я не поперхнулся от столь неожиданного вопроса, потому что давно привык к очаровательной манере Боса Тауруса: он целился в голову, а попадал в сердце.

— Сначала закончу дело Барбатуса,— ответил я спокойно.

— А на это потребуется либо шесть лет, либо два часа? Готов ли ты поступить в сей институт перевоспитания взрослых мальчиков, где идеалы заменяются покорностью судьбе?

— Если хочешь сохранить друга, не подвергай его дружбу испытанию,— ответил я.

— Когда-нибудь ее придется испытать. Но, надеюсь, это случится не через два часа. Если Куропотамия согласится отменить свои безумно высокие таможенные пошлины на ввоз изящнейших художественных творений, прославляющих нагую красоту, перестанет продавать на мировом рынке табак по демпинговым ценам и если она, в довершение всего, отдаст принадлежащие нам по праву нефтеносные районы, то я охотно буду ждать твоей свадьбы шесть лет.

— Значит, война вовсе не является неизбежностью?

— Конечно, если мы получим то, что хотим.

— А королевство Линдус?

— С ним мы установим дипломатические отношения, как только король Пипинацис даст команду, чтобы его страна не вывозила свиной тушенки, иллюстрированных изданий, огнестрельного оружия и противозачаточных средств в молодые негритянские государства, которые совершенно естественно, по самой природе вещей, должны входить в сферу нашей торговли. Королю Пипинацису пора уж понять, что Лакония — великая держава, которая правит миром. Мы стиснем Линдус в объятиях экономической блокады. А если и это не вразумит Пипинациса, мы начнем одаривать соседние с ним страны современным оружием. Вместо того, чтобы любить врагов наших, мы лучше позаботимся о наших маленьких друзьях. Да, кстати, кто же ограбил магазин Барбатуса?

— Я не могу пока дать точного ответа...

Президент поднялся с кресла и сказал официально:

— Ну, а если я потребую?

— Господин президент, обвиняются десять человек.

— Как это может быть? Газеты все время писали о двух грабителях.

— Сначала их и было двое, но дело все расширялось.

— Отчего же?

— По двум причинам. Во-первых, государственные сыщики бастуют, вместо одного хорошего специалиста пришлось нанимать по крайней мере десятерых. Во-вторых, в ходе следствия раскрыто много других преступлений,— это, так сказать, побочный продукт, если вы позволите мне воспользоваться вашим выражением, господин президент. И, в-третьих, чем шире разрастается дело, тем больше средств поступает в выборный фонд нашей партии...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27—30.

Президент многозначительно откашлялся.

— Одни повышаются по службе с чувством ответственности, другие же просто набираются важности. Ты уверен, что работник, ведущий следствие... кстати, кто он?

— Бывший инспектор полиции Энрико Вульвиус.

— Да, так ты уверен, что он справится с этим делом?

— Он очень опытный следователь. И притом у него замечательная способность к коллективной работе.

— Коллективная работа! Значит, его голова никогда не родит самобытной мысли.

— Он исключительно настойчив и требователен к себе. Я знаю, что он занимается служебными делами даже дома, по вечерам.

— Значит, плохой организатор! Не успевает управиться с делами в служебное время. Кстати, как его фамилия?

— Энрико Вульвиус.

— Да, так он член нашей партии?

— Конечно, и хороший активист. Прекрасный оратор. Слушать его — наслаждение.

— Значит, типичный партийно-политический болтун. Кстати, почему ты уверен, что он справится с делом Барбатуса?

— Он держит меня в курсе всех событий, звонит мне по крайней мере по два раза на дню. Вместо длинных докладных записок он предпочитает поддерживать непосредственный, живой контакт.

— Готово ли министерство полиции к войне?

— Министерство отвечает за внутренний порядок в стране. Государственная тайная полиция не бастует.

— Хорошо, друг мой Тимидус! А бастующие сыщики, я полагаю, призваны в армию?

— Все до единого.

— Аудиенция окончена. Жду тебя вечером в моей городской резиденции. Мы проведем тайное совещание, в котором примут участие премьер-министр и министр иностранных дел. Постарайся к тому времени подумать вот над чем: нельзя ли в ограблении магазина Барбатуса обвинить Куропотамию...

Вернувшись от президента, я сразу же вызвал Энрико Вульвиуса. Я не стал говорить ему о новом назначении, а завел речь о погоде. День был гнетуще осенний. Вульвиус почувствовал что-то неладное: когда начальство начинает говорить о погоде, разговор переводится в плоскость роковой предрешенности. Тогда уж бессмысленно задавать вопросы. Как благовоспитанный человек и старый служака, он с готовностью повторил мне радиосводку погоды. Он хорошо знал, что перечить начальству — все равно, что плевать против ветра.

— Погода просто давит, — сказал он. — Сыро и слякотно. Вот когда раздолье для всяческой хвори! Богатые болеют воспалением легких, а у бедных едва хватает средств на самую легкую простуду.

Он мстил ему за то, что тот совратил его сестру, опозорил девушку.

— Опозорил?

— Совершенно верно. И я вполне понимаю Акантию. Побуждаемый жаждой мести, он застрелил Микротуса.

— Акантия не стрелял в Микротуса.

У Вульвиуса задрожали щеки.

— Это произошло при мне, я был очевидцем, — проговорил он.

— Ты был, я знаю. Но больше ты им не будешь.

— Господин министр! — воскликнул Вульвиус. — Я видел все собственными глазами!

— Речь идет о безопасности нашей родины и о ее будущем. На месте происшествия не было ни одного свидетеля.

— Муравьиный патриотизм основан на чувстве обоняния, моя же любовь к родине смотрит на вещи чистыми глазами ума и сердца.

— Ум и сердце забудь. Дай сыщикам новые направляющие нити.

— Что же мы должны расследовать? — спросил Вульвиус.

— Грубые провокации Куропотамии. Название дела остается прежним: «Ограбление ювелирного магазина Барбатуса».

— А что делать с десятками арестованных?

— Они посидят в следственной тюрьме до тех пор, пока суд не соберет полного состава присяжных.

Вульвиус молчал. Старый полицейский

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

ОМ
АЛКИВАЮТ

— Так поступают все болтуны, слабо владеющие пером. Нет ли кого получше?

— Я считаю, что ему вполне можно доверить и более трудные дела.

— Отлично. В таком случае мы будем счастливы, если избавимся от него, и чем скорее, тем лучше.

— Господин президент, я несколько озадачен. Если Энрико Вульвиус будет снят с работы, ему надо подыскать другое место.

— Нет ничего проще. Назначим его послом в одну из отсталых стран, где его пустоту прикроет умение держаться с достоинством и солидный костюм. Сколько ему лет?

— Недавно исполнилось шестьдесят три.

— Значит, выжил из ума. Все данные для того, чтобы быть дипломатом. Возраст наилучшим образом обеспечит ему авторитет и послужит оправданием его потрепанных анекдотов. Да, дело Барбатуса кажется сборником анекдотов, только твой Вульвиус не сумел их как следует отредактировать.

— Значит, я должен понять это так, что его надо отстранить от дела.

— Он слишком долго искал виновных и совсем забыл о преступлении. Ему нужно переменить обстановку. Солдатами становятся не по призванию, а по призыву. Дипломатов же не призывают, а лишь отзывают, да и то редко. Ни один из наших послов не лишился должности за то, что слишком громко храпел, или за солдатские манеры в политике. Самым большим пороком для них считается неумение выучиться современным танцам и французским вежливостям с дамами.

Президент Бос Таурус предложил мне сигару и неожиданно спросил:

Потирая озябшие руки, он бросил на меня вопрошающий взгляд. Я испытывал к Вульвиусу невольное почтение. Лет десять тому назад он был моим начальником. В то время я трудился в криминально-экспертном центре, занимая весьма скромную должность, и получал мизерное жалованье. Пока не сообразил записаться в партию. И вот теперь я стал его начальником.

— Дело Барбатуса неожиданно принимает новый разворот, — сказал я наконец.

— В какую сторону? — спросил Вульвиус.

— Прямо на восток.

Вульвиус покачал головой.

— Невероятно.

— Бывает, что и возможное кажется невозможным. Я разработал новую теорию. Наши расследования показали, что на заводе «Муска» за нынешний год украдено пять бутылок штемпельной краски. Действиями воровской шайки руководили из-за границы. Тит Процилпус, обвиняемый в ограблении магазина Барбатуса и в убийстве нескольких неизвестных женщин, год тому назад совершил двухнедельную туристскую поездку в Куропотамию. Есть подозрение, что он действовал как агент иностранной державы. Поставщик девиц Микротус, застреленный у ворот тюрьмы, иммигрировал в Лаконию опять же из Куропотамии. Представляется весьма правдоподобным, что под вывеской его публичного дома скрывалось шпионское гнездо. Хозяева Микротуса испугались, как бы он не выдал кое-чего, и постарались его убрать...

— Невозможно, невозможно, — перебил меня Вульвиус. — Какому идиоту могло прийти в голову, что Луций Акантия — «хозяин» Микротуса? На допросе Акантия рассказал, почему он убил старого сводника.

покорился воле отечества. Возможно, он подумал, что, как вода смывает с дороги сор, так и власть освобождает человека от чувства справедливости. Он вышел от меня с видом отчаянной решимости: как пешеход, рискнувший перейти улицу в часы пик с единственной надеждой отделаться легким увечьем.

Глава одиннадцатая

Тайное совещание в доме президента было настолько тайным, что я и по сей день еще не знаю, о чем же там в действительности шла речь. Премьер-министр почти не глядел на меня. Он все еще не мог мне простить, что я позволил Фабию разглядывать украшения дам на великосветском благотворительном балу. Фабий решил, будто колье Якхос явилось к жене премьер-министра прямехонько из магазина Барбатуса. Но, возможно, оно успело совершить краткую заграничную поездку, прежде чем встретило свою теперешнюю хозяйку. Ведь редкостные украшения имеют привычку путешествовать из страны в страну, пока не обретут в конце концов покойное пристанище в подземном сейфе одного из швейцарских банков.

Министр иностранных дел тоже, видимо, дулся на меня. Он сказал, что затеянная моими людьми проверка сортов импортных тканей вызывает лишние трения и настораживает союзников. Он также не мог одобрить безоговорочно и того, что я приостановил контрабандный ввоз жевательной резинки из одной страны, с которой у нас были очень дружественные отношения.

— Министерство полиции должно следить за порядком внутри страны, обеспечивать безопасность граждан и поменьше соваться во внешнюю политику,— сказал министр иностранных дел, поглядев на меня довольно кисло.

— Отныне министр полиции обязан будет вмешиваться во внешнюю политику,— заметил президент.— Положение становится критическим. Если Куропотамия не подчинится нашей воле, мы будем вынуждены прибегнуть к крайним средствам. Как идет обработка общественного мнения? Дух народа высок?

Президент адресовал вопрос премьер-министру, который дал несколько уклончивый ответ:

— Война всегда неприятна, но отдельным слоям населения она особенно не по нутру.

— Неужели они не пойдут сражаться за свободу?

— Пойдут, конечно, но поскольку сейчас речь идет не о свободе собственно...

— А о чем же? Лакония борется только за свободу. Начиная с завтрашнего дня, все массовые средства информации должны как можно громче трубить о свободе. Нигде в мире нет такой свободы, как в Лаконии. Здесь каждый гражданин свободен делать все или почти все, что вздумает. А кто не хочет сражаться за свободу, того в тюрьму!

— В тюрьмах ужасная теснота, господин президент,— деликатно заметил я.

— Построить больше тюрем. Свободная страна должна иметь достаточно тюрем. Кстати, господа, какие же это слои населения проявляют столь сомнительное отношение к возможной войне?

Мы переглянулись. Премьер-министр счел своим долгом ответить:

— Прежде всего малоимущие, господин президент. Они опасаются, что война поставит под угрозу их жалкое существование.

Президент бросил на премьер-министра свирепый взгляд и чуть не крикнул:

— Это неправда! В Лаконии нет бедняков. Ведь Лакония — самая богатая страна мира! Наши экономисты утверждают, что уровень жизни Лаконии в двадцать раз выше, чем в Куропотамии, которая вечно похваляется своими природными богатствами.

Президент достал из стола папку с последними данными статистики и с увлечением продолжал:

— Господа! Вам следовало бы немножко ознакомиться с делами страны. Взгляните на цифры, отражающие производство этого года. Производство автоматического огнестрельного оружия возросло на сто процентов, губной помады — на двести процентов, пудры, жевательной резины, зубных протезов, накладных ресниц, новейших поролоновых лифчиков и алкогольных напитков — почти на триста процентов! И только в производстве гусиных яиц, детективных фильмов и комиксов наблюдается некоторый спад, поскольку Куропотамия прекратила их закупки с начала этого года. В нашей внешней торговле экспорт неизменно преобладает над импортом, и соотношение их станет еще лучше, когда мы начнем продавать в развивающиеся страны лежалые и неходовые товары, которыми полны наши склады. Ведь у нас там горы всякого добра! Зерно и мука гниют и преют годами! Да только ли мука! Какие россыпи, пласты, напластования ценнейших вещей: вышедшие из моды изделия парфюмерной, галантерейной и полиграфической промышленности, теннисные мячи и ракетки, средства для удаления волос, веснушек и угрей, залежи свиной тушенки, соленые земляные орехи! А также оружие устарелых образцов. Я повторяю, Лакония — богатая страна, где бедных нет и быть не может.

Президент не на шутку разгорячился. Я молчал. То же делал и министр иностранных дел. Но премьер-министр попытался было возражать:

— Господин президент, богатства Лаконии никто не отрицает. Но позвольте мне все же сказать, что, по сведениям Лаконийского статистического управления, почти пятьдесят процентов населения нашей страны терпят нужду и голод, что безработных у нас...

— Довольно! Директора статистического

управления немедленно перевести на другую работу. Я назначу его нашим торговым представителем на Огненную Землю. И надо распорядиться, чтобы начиная с завтрашнего дня все средства информации решительно отрицали бедность. В течение недели с бедностью в нашей стране должно быть покончено. Каждый гражданин Лаконии обязан понять, что в стране столь высокого жизненного уровня никаких бедных быть не может. Академия языка пусть прежде всего подыщет вместо слова «бедность» вполне равноценный синоним, вызывающий представление о зажиточности. Государственная полиция должна усилить бдительность. Всех, кто жалуется на бедность, задерживать и отправлять на принудительные работы за нелаконийское поведение.

— В трудовых лагерях невыносимая теснота,— робко заметил я.

— Надо иметь побольше лагерей. У нас хватит средств, чтобы настроить лагерей даже в соседних странах. Что же касается возможной безработицы, то она ликвидируется сама собой, как только мы втянемся в войну. Конечно, желательно было бы организовать войну в какой-нибудь другой части света, а самим оставаться в стороне. Тогда бы мы имели великолепную возможность экспортировать оружие, и наша страна богатела бы все больше и больше. Этого никак не следует упускать из виду. Так что прошу вас, господа, изучать обстановку, чтобы нам не прозевать подходящего случая. Свобода — это бесценный дар, господа, и за нее всегда стоит повоевать — либо на своей, либо на чужой земле.

— Прошу прощения, господин президент,— сказал премьер-министр,— но я все-таки не понимаю, при чем здесь свобода?

— А за что же нам еще воевать? Под свободой я разумею такое положение, когда Лакония имеет свободные руки и может делать все, что захочет. Если наша жажда свободы приводит к войне, то и ангелы господни благословляют нас.

— Когда на земле идет война и пирует смерть, хор ангелов умолкает и тихо плачет. А может быть, смеется...

— Неудачный афоризм! — воскликнул президент.— К счастью, он не будет занесен в протокол, так же как и все содержание нашей беседы. Когда вспыхнет война, мы назовем ее войной Барбатуса, ибо ведь в конце-то концов речь идет именно об этом. Не так ли, господин министр полиции?

Я утвердительно кивнул головой и про себя подумал: человек измеряет межзвездные расстояния и расщепляет атомное ядро, но он не в состоянии определить границы между разумом и безумием. Часто даже в его собственном тайном протоколе содержится лишь ложь, которой он пытается обмануть себя и других.

Возникла короткая, но тягостная пауза. Президент смотрел на нас испытующим взором, как бы говоря: «Ну так вот, господа! Если у вас есть ко мне вопросы, милости прошу, задавайте их. Если вы колеблетесь, говорите все как есть. Но запомните раз и навсегда, что, если справедливость нарушается, это становится законом. Кто никогда не ошибается, тот никогда не изобретет ничего нового. Так-то, господа министры! Что вы еще имеете сказать? Собственные соображения, предложения, возражения? Да ну же, будьте решительнее! Не опасайтесь за свои посты, за свои портфели. Так. Значит, вы все-таки ждете, чтобы вам разжевали да в рот положили? Хорошо. В таком случае прошу вас ответить на следующее».

Президент вынул из папки аккуратно сложенный лист бумаги, просмотрел его и сказал с усмешкой:

— Рептилии надумали обратиться к правительству с вопросом... Они, разумеется, вправе спрашивать: ведь Лакония — свободная страна.

После паузы президент продолжал уже другим тоном:

— В канцелярию палаты депутатов сегодня поступил запрос. Одиннадцать рептилий просят соответствующего министра ответить, известно ли правительству, что в нашей стране имеют место грубые нарушения законности, в каковых нарушениях замешаны влиятельные государственные деятели; а если указанное известно, то скоро ли правительство в соответствии со своим законным долгом позаботится о том, чтобы расследовать упомянутые злоупотребления. Большинство нации настаивает на соблюдении конституции, согласно которой все граждане равны перед законом...

Президент сухо улыбнулся и подал мне бумагу.

— Надо что-нибудь ответить... А фамилии подписавшихся — в картотеку. Достойно сожаления, что депутаты тратят время на подобную глупую болтовню, тогда как перед родиной стоят куда более важные задачи... Я ни разу не слышал, чтобы при моем правлении имели место какие-либо нарушения законных норм. Преступления, конечно, совершаются каждый день... но это опять-таки другое дело.

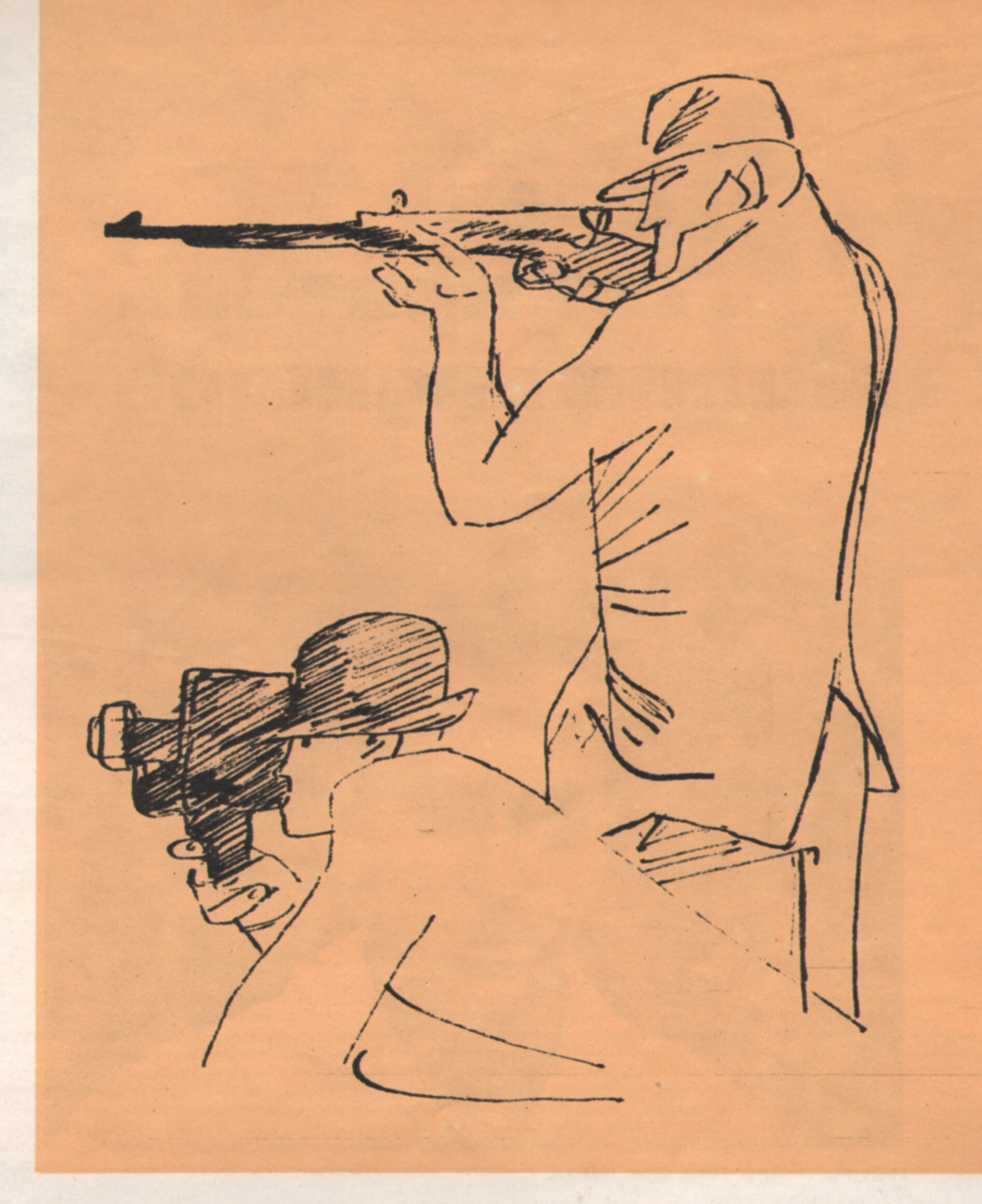
— Запрос абсолютно беспочвенный,— сказал премьер-министр.— Я знаю, кто это настрочил. Подписи мне знакомы. Все молодежь, горячие головы. Для них моральная сторона вопроса важнее, чем жизнь и свобода нации. Они напоминают мне истеричных женщин, которые в переломном возрасте часто впадают в религиозно-моральный фанатизм.

Президент Бос Таурус тихонько рассмеялся, и на этом закончилось наше особое секретное совещание. Затем мы втроем отправились в закрытый правительственный ночной клуб, продолжая беседовать. Утолив жажду вином, министр иностранных дел начал рассуждать о трезвости и послал жене телеграмму: «Положение критическое, заседание продолжается».

Под утро я получил вести от Вульвиуса: Луций Акантия застрелен во время прогулки во дворе тюрьмы. Убийца задержан на месте преступления. Он оказался гражданином Куропотамии.

Вульвиус проявил оперативность. Теперь ему едва ли придется переходить на дипломатическую службу. Не вина Лаконии, что на ее территорию пробрались преступники. Позор убийцам...

Я простился с коллегами и пошел домой. Мне хотелось спокойно полюбоваться на себя в зеркале. Я, Лепус Тимидус, министр полиции республики Лакония, чувствовал, что оказал своему отечеству немалую услугу. Будь я истериком, я бы, конечно, разбил зеркало вдребезги, или сунул бы голову под подушку, или напился бы, как сапожник, или поколотил бы слуг. Но, как безупречный государственный служащий, верный долгу как в малом, так и в большом, я спокойно лег в постель и заснул, шепча слова присяги.

Продолжение следует.

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька».
Фото автора.

Череп из кратера Килиманджаро

Мирослав Зикмунд. Готвальдов, 1965 год.

Помните «Снега Килиманджаро» Хемингуэя? У этой новеллы есть эпиграф. Вот он: «Килиманджаро — покрытый вечными снегами горный массив высотой в 19 710 футов, как говорят, высшая точка Африки. Племя масаи называет его западный пик «Нгайэ-Нгайя», что значит «Дом бога». Почти у самой вершины западного пика лежит иссохший мерзлый труп леопарда. Что понадобилось леопарду на такой высоте, никто объяснить не может».

С того времени, как написан рассказ Хемингуэя — а было это в тридцать шестом году,— многие исследователи Африки и просто заезжие туристы лазили по склонам западного пика в поисках легендарного леопарда и, ничего не обнаружив, порой иронически, а порой сердито замечали, что никакого, мол, леопарда не существовало в природе, что это вымысел старика Хема, и ничего более.

Позвольте мне совершенно официально сообщить: леопард был. Совсем недавно я держал в руках его череп. Он находится в Чехословакии, в городе Готвальдове, в доме Мирослава Зикмунда. Ну да, того самого, который «Зикмунд и Ганзелка».

Впрочем, разрешите рассказать все по порядку.

Я познакомился с этими очень талантливыми и очень славными людьми на Дальнем Востоке почти два года назад. Они в то время начинали большое путешествие по Советскому Союзу, и я проехал на одной из двух знаменитых «татр» от Владивостока до Уссурийска. Сто двадцать километров. Интервью на колесах. И долгий ночной разговор в гостинице.

Вполне естественно, что, приехав в Чехословакию, я захотел повидать Ганзелку и Зикмунда. Олег Панчак из Чехословацкой Академии наук, старый их друг и руководитель секретариата, сказал мне, что у Иржи Ганзелки большое горе — умерла жена, так что для встречи время неподходящее. А Зикмунд дома, в Готвальдове, и если я надумаю туда завернуть, он, Панчак, сообщит Мирославу.

...И вот Готвальдов. Набрал номер — мальчишеский голос ответил, что папы нет, он в Праге, но если это говорит журналист из Москвы, из «Огонька», то пусть он позвонит на студию короткометражного фильма, содругу Новотному.

Содруг Новотный, режиссер, работающий с Ганзелкой и Зикмундом, оказался в курсе дела.

— Мирослав должен прилететь дневным самолетом. Он знает, что вы приедете, и просил меня принять вас. Приезжайте, если удобно, на студию.

Короткая поездка по зеленым холмам красивого и элегантного города — говорят, что его первоначальный проект набрасывал сам Корбюзье,— и машина останавливается возле студии. А невысокого роста веселый и стремительный человек в очках, который ждет у входа,— это и есть Ярослав Новотный.

Он быстро ходит, быстро говорит, быстро, должно быть, работает. Но и удивительно аккуратно. Это я понял, когда подошел к полкам, на которых в одинаковых серых папках — только разные номера и названия на корешке — собраны сценарии, дикторские тексты и материалы ко всем фильмам Ганзелки и Зикмунда. И еще — когда Ярослав Новотный показывал фотоархив ГЗ (так сокращенно именуются Ганзелка и Зикмунд). В архиве больше сорока тысяч фотографий. Все негативы пронумерованы и разложены по альбомам. Копии альбомов — у самих ГЗ, и, когда они находятся где-нибудь на Суматре или на Памире, работа может спокойно продолжаться: путешественники сообщают номер фотографии, которую они хотят опубликовать в газете или поместить в книге, студия отпечатывает эту фотографию и отсылает по нужному адресу.

Работа над фильмами ГЗ — это, естественно, не единственное занятие готвальдовской студии. Ярослав Новотный рассказал, как бывшее рекламное киноателье Бати превратилось в творческую мастерскую интересных художников, познакомил с одним из них — Антонином Гораком, лауреатом последнего Лейпцигского фестиваля. Замечу в скобках, что я посмотрел «золотую» картину Горака «Тревога» и его смелую и спорную экспериментальную работу «Мел». И еще замечу, что длинный список призов и медалей, завоеванных фильмами студии на международных фестивалях от Сан-Франциско и Венеции до Оберхаузена и Канн, вряд ли уместился бы на целой странице «Огонька».

Но вернемся к фильмам Ганзелки и Зикмунда.

— Сколько всего картин они сделали за время путешествий?

— Вот смотрите,— показывает Новотный.

На последней папке — цифра 112. В том числе — двадцать фильмов о Советском Союзе.

— Вы, конечно, знаете, что Иржи и Мирослав ехали в Советский Союз из Японии,— говорит режиссер.— Девяносто третий фильм называется «К земле далекой и самой близкой». Это путь в СССР. А потом — фильмы «Город-солдат» (о Владивостоке), «Камчатское окно», «Крещение морозом», «Полночное солнце», «Май стучит в ворота» и другие. Фильмы уже смонтированы, комментарий написан. В ближайшее время начинаем озвучивание, и через несколько недель фильмы выйдут на экран.

...Дневной самолет из Праги пришел около пяти часов. В половине шестого у меня в номере раздался телефонный звонок. А еще через час возле подъезда гостиницы «Москва» остановилась машина. На этот раз не «татра», а синяя малолитражка «шкода». За рулем сидел Мирослав Зикмунд.

Дорога была не такой долгой, как от Владивостока до Уссурийска. Несколько минут, и машина забралась на один из холмов и остановилась у открытых ворот двухэтажного кирпичного дома. На табличке, пришпиленной к стене, написано: «Мирослав Зикмунд — 2, Ева Зикмундова-1».

Встретив мой недоумевающий взгляд, Мирослав смеется:

— Нет, это не значит, сколько раз надо звонить. Просто в этом доме живет одна Ева Зикмундова — моя жена, но зато два Мирослава Зикмунда — я и сын.

Мы ходили по саду, и Мирослав с нескрываемой гордостью рассказывал, что вот эту дорожку из камней он сделал сам, а клубнику посадили с сыном. Вот, попробуйте, первая ягода, которая здесь поспела...

Сквозь заросли кустарников прорисовывался город.

— Вон тот дом, рядом, был дом Иржи,— сказал Зикмунд. И помрачнев: — Вы знаете, какое у него несчастье?

Я кивнул головой.

— Юрий — мы так зовем Иржи — сейчас живет в Праге. Когда он уезжал, то подарил дом городу Готвальдову для детского сада. Мы стараемся в какой-то форме вернуть государству средства, затраченные на наши поездки. Сейчас все путешествия оплачиваем из своих гонораров.

И. Богдеско, О. Качаров. ЗДРАВСТВУЙ, СТЕПЬ!

А. Васильев. НА ПТИЦЕФЕРМЕ.

В. Руссу-Чобану. «ЖОК». ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦУ.

Р. Окушко. АСФАЛЬТ.

Вошли в дом. Маленькая передняя, украшенная флажками десятков стран. Зикмунд берет в руки вымпел автомотоклуба Томска.

— Это подарок. Недавно здесь побывал томский инженер Коноплев. Он проехал на мотоцикле «Ява-250» от Томска до Праги и был моим гостем.

Просторная гостиная. По стенам целый музей. Огромная змеиная кожа, африканские тамтамы, копья, шляпы всех фасонов и размеров: от ярких мексиканских сомбреро до скромных японских из рисовой соломы, в них крестьяне работают на полях. Какие-то странные предметы, назначение которых сразу и не определишь.

— Музыкальный инструмент пигмеев, из Конго, ликембэ называется,— говорит Мирослав, взяв в руки один из загадочных предметов.— Вот послушайте...

Он начинает перебирать пестрые лучинки, один конец которых зажат деревянной дощечкой, и по комнате разносятся непривычные для слуха тонкие, щемящие сердце звуки.

— А этот инструмент из Индонезии.— Зикмунд показывает некое хитросплетение бамбуковых палочек. Встряхивает — палочки весело перестукиваются.— У каждого члена экспедиции по два таких инструмента. Когда мы собираемся все вместе, то устраиваем концерт. Каждый по очереди должен встряхивать свой инструмент. Мы в последний раз такой концерт делали у Юрия в Праге, месяца четыре назад. Пришли Мирослав Дриак и Иозеф Корынта...

Дриак и Корынта — участники последней экспедиции. Первый — механик, второй — врач. Но, конечно, этим их обязанности не исчерпывались. Они водили машины, помогали при съемках, записывали беседы...

— Вот еще интересная штука,— говорит Мирослав. Он снимает с полки круглый металлический прибор.— Это компас с английского истребителя «Спитфайр». Мы купили этот компас на одном из базарчиков в Каире. Но нам никто не сказал, что в машине под воздействием металла он дает отклонение в несколько градусов. Сами мы тоже не сообразили — и в результате заблудились в Нубийской пустыне.

— А это что за череп? — спросил я.

И услышал историю о леопарде с Килиманджаро.

— Я не читал прежде «Снега Килиманджаро»,— сказал Зикмунд.— А когда несколько лет назад в первый раз прочел, даже дух захватило от волнения. Вот он, этот череп хемингуэевского леопарда.

— Вы об этом писали?

— Нет. Только в «Африке грез и действительности» упомянули, что нашли кости леопарда в кратере Кибо. Но мы тогда и не знали, что это за находка...

Любопытнейшие вещи показал мне Мирослав Зикмунд. И отравленные стрелы шуаров — охотников за черепами, и сделанные из блестящих крыльев жуков украшения вождя племени, и вдребезги сношенные кеды, в которых лазили на Килиманджаро, и кинжал какого-то иракского шейха, и коллекцию камней: из пирамиды Хеопса, из подземного бункера Гитлера, из ацтекских памятников, с рудников Южной Африки...

— Да, это все не из тех сувениров, которые продаются в лавках,— сказал я.

— Конечно. Каждая такая штука мне напоминает интересных людей, интересные встречи, интересные условия дороги. Может быть, когда мы с Юрием будем совсем стариками, с бородой, мы сядем и обо всем этом напишем,— улыбнулся Зикмунд.— Впрочем, это я только сейчас придумал. Надеюсь, что до этого далеко.

До этого действительно далеко. А ближайшие планы?

— Новотный рассказывал вам, что мы только что закончили комментарии к двадцати телевизионным фильмам о Советском Союзе? В скором времени эти фильмы увидит зритель... Кстати, вы знаете, что Ярослав Новотный был режиссером всех наших фильмов? Это человек замечательный. Ему когда-то передали наши первые кинoопыты, сделанные во время африканского путешествия. Потом — это, кажется, было в Уганде — мы получили от него письмо. «Почему так плохо снимаете?»—спрашивал он. И еще в письме было много очень важных для нас советов. Новотный, можно сказать без преувеличения,— наш учитель в кино...

1963 год. Дальний Восток. Иржи Ганзелка снимает, Мирослав Зикмунд берет интервью на улицах Владивостока.

В эту минуту в комнату вошел второй Мирослав Зикмунд. Он был уже в пижаме: отправлялся спать. Зикмунду-младшему десять лет, он учится в пятом классе и, как с видимым удовольствием сообщил Зикмунд-старший, успешно изучает русский язык.

Зикмунд-младший, пожелав нам спокойной ночи, чинно удалился, а мы перешли за стол. И хотя ужин был отличный, Мирослав все же извинился:

— Если бы здесь была жена, все было бы иначе. Но она сегодня в Праге. У них в театре премьера. Знаете, совершенно очаровательный спектакль — опера Яначека «Лисичка-быстроушка»...

Я видел в фойе Национального театра портреты одной из ведущих солисток, Евы Зикмундовой,— красивой молодой женщины с большими задумчивыми глазами. Но я тогда не знал, что это жена Мирослава Зикмунда.

— Что касается наших планов... Сейчас мы с Юрием Ганзелкой пишем «Перевернутый полумесяц», второй том. Очень много работаем. В сентябре сдадим рукопись. Во второй том войдут страны Ближнего Востока — Сирия, Иордания, Ирак (включая Курдистан). В следующем году хотим кончить работу над третьим томом о путешествии по Азии — это будут Индия, Пакистан, Непал; потом четвертый — Цейлон; дальше — два тома об Индонезии: том о Суматре и том о Яве и Западном Ириане; два тома о Японии. И, наконец, очень большая работа — книга о Советском Союзе. По крайней мере два тома.

— Когда вы думаете к ней приступить?

— Вероятно, не раньше шестьдесят седьмого года. А может быть, и в шестьдесят восьмом. Как вы знаете, мы побывали лишь в восточной, азиатской части Союза. Рассчитываем приехать снова, чтобы изучить европейскую часть. Без этого ничего нельзя ни понять, ни правильно оценить.

— До этого никаких путешествий?

— Ни в коем случае! Нужно писать, писать, писать, а не путешествовать.

— Вы были у нас больше года. Я понимаю, что в двух словах не суммируешь впечатления. Но все же—что основное вы унесли от нас?

— Огромное уважение к вашему народу, к его широкой душе, к его приветливости и отзывчивости, к его грандиозному размаху, к масштабности его дел. Очень понравилась молодежь, думающая, пытливая, смелая.

— Где за время поездки по Советскому Союзу вы лучше всего себя чувствовали и где хуже всего?

— Это вопрос сложный. Нас всюду встречали очень гостеприимно. Мы даже порой становились жертвой этого гостеприимства. Знаем: все делалось от щедрого сердца, из самых добрых побуждений, но... мы приехали работать, а слишком часто оказывались за столом. Тогда мы сказали: «Можно в десять раз больше водки выпить за дружбу, но разве это главное? Помогите нам делать нашу работу, избавьте нас от банкетов, от официальной свиты, разрешите ломать программу и протокол. Мы же не парламентская делегация, а журналисты, писатели. Мы приехали узнать ваш народ, его жизнь, его проблемы, приехали укреплять нашу дружбу делом, а не тостами». Нам очень помогли ваши товарищи из ЦК партии. Они внимательно прислушивались буквально ко всем нашим просьбам. И одергивали некоторых — а были и такие,— кто вместо жизни с ее многообразием, с ее трудностями, с ее проблемами демонстрировал нам лакированные картинки. Есть у вас такое точное слово — «показуха». Так вот хуже всего мы чувствовали себя тогда, когда наши хозяева или собеседники занимались показухой. Нам хотелось спросить — и мы спрашивали: «Вы что же, не считаете нас за друзей? Почему вы скрываете от нас нерешенные вопросы, трудности? Ведь худший вид обмана — обман самих себя, и еще ни одна проблема не

была решена тем, что о ней молчат. Мы с вами вместе строим социализм, коммунизм, зачем же нам играть в прятки друг с другом?..» Лучше всего мы чувствовали себя там, где с нами говорили откровенно, прямо, где с нами спорили до глубокой ночи, где с нами делились заботами и радостями, где в нас видели искренних, настоящих друзей, которые любят Советский Союз и никогда не перестанут его любить. Я вспоминаю Братск, вспоминаю Новосибирск, вспоминаю множество городов и деревень, где мы с Юрием были счастливы, потому что были там не чужими, не посторонними, а своими, до конца своими с людьми, с которыми встречались...

И еще о многом был в этот вечер разговор с Мирославом Зикмундом: о советско-чехословацком конкурсе, проведенном «Огоньком», о последних постановках пражского театра «Семафор», об академике Лаврентьеве и о новых принципах экономической политики в ЧССР, о наводнении в Словакии и о молодых советских поэтах...

А потом Мирослав Зикмунд отвез меня в гостиницу. В ветровом стекле «шкоды» отражались огни ночного Готвальдова. Из открытых окон кафе доносилась модная песенка «О'кэй, Машенька!». На той стороне площади над заводскими воротами горели буквы «Свит». Теплый ветер забрасывал с ближних холмов в город запахи скошенного сена.

— Передайте большой привет всем друзьям,— сказал Зикмунд.— И скажите, что мы с Юрием хотим скорее завершить — теперь уже на бумаге — путешествие по Азии и начать работу над книгой о Союзе. Это будет очень важная книга в нашей жизни.

Готвальдов.

Зрелость пловца

О. КУПРИН

Фото А. БОЧИНИНА.

Под водой.

Рекордсмен Европы восемь лет назад.

Какой мальчишка не мечтает стать знаменитым футболистом! Если к тому же добавить, что у мальчишки папа—футболист, то спортивная привязанность парня—дело решенное. У Виктора Мазанова именно так и было, и гонять мяч после уроков считал он наивысшим удовольствием.

Но как-то так получилось, что однажды оказался Виктор в плавательном бассейне. Проплыл метров десять, схватился за пенопластовые шайбы, нанизанные на длинный трос и разделявшие бассейн на четыре части, остановился. Больше двигаться он уже не мог.

«Не возьмут,— решил Виктор,— не получится из меня пловца. В конце концов футбол даже интереснее». Немного смалодушничал парень, самую малость. Но тренер Алексей Андреевич записал фамилию Виктора в книжку и сказал, чтоб приходил еще.

С той поры пролетело почти восемь лет. Виктор ходит все в тот же бассейн Московского энергетического института, к тому же тренеру — Алексею Андреевичу Корнееву. Разумеется, с той поры многое изменилось. Виктор стал чуть ли не в два раза старше и почти вдвое выше ростом, но соперничество в его душе между плавательным бассейном и футбольным полем осталось. Влияние папы не ослабло: Георгий Васильевич Мазанов — главный тренер федерации РСФСР по футболу.

Но все-таки совсем иным стал Виктор. Дело даже не в том, что за тренировку он может свободно проплыть не десятки метров, а несколько километров. Нет, дело не в расстоянии. Дело в характере, умении быстро решать сложнейшие задачи, потруднее дилеммы «футбол — плавание». Это стало ясно на первых же соревнованиях.

...Он встал на крайнюю тумбочку. Судья поднял руку с пистолетом, и Виктор видел, как он начал давить на спусковой механизм. Виктор наклонялся все ниже и ниже, терял равновесие, а выстрела не было. Попытался схватиться за решетку ограждения, что была рядом, сорвался и сполз в воду, сильно ободрав ногу. Судья сделал ему замечание и отправил в медпункт. Там рану смазали йодом. Было очень больно, но еще больнее смотреть на ребят из команды. Виктор защищал честь детской спортивной школы Энергетического института, от него ждали хорошего результата, очков

в командный зачет, а он сидит в медпункте и морщится от боли. Нет, так не пойдет. Первое, что он сделал,— это перестал морщиться. Второе — снова вышел на старт. Третье — выиграл соревнования.

Спорт не сразу, в один день, делает человека волевым и целеустремленным. Это приходит со временем, с неудачами и победами, радостями и разочарованиями, в борьбе с соперниками, секундами и с самим собой. Тут случается всякое.

...До финиша всего пятьдесят метров. Виктор старается не сбавлять темпа. Руки постепенно наливаются чугуном, их все труднее вытаскивать из воды. Но остался-то пустяк. Чудовищно трудный пустяк! Он идет шестым. Рядом такой же молодой парень, он тоже считает, что идет шестым. Они плывут вместе, рука в руку, каждый хочет оторваться, выйти вперед — и не может. Они равные соперники, но все равно нужно выиграть.

К финишной стенке Виктор не подплывает, а, собрав последние силы и еще что-то не поддающееся никакому измерению и даже объяснению, обрушивается на эту стенку. Бросает молниеносный взгляд на соперника — он рядом. Секундомеры не смогли определить, кто из них первый. Рассудила кинопленка: шестым был Виктор Мазанов. В копилку советской олимпийской команды прибавилось одно очко, а на пьедестал почета поднялся московский парнишка. Правда, был он на пьедестале последним. Но все-таки на пьедестале. Это было в Токио.

Что случилось потом? Ничего неожиданного, все по плану. Выпускные экзамены в школе и вслед за тем вступительные экзамены в Московский энергетический институт. Электротехника — призвание, это выяснилось еще в седьмом классе!

И было три рекорда. Один из них — европейский. В Ташкенте, на крупном международном соревновании, где брали старт пловцы двенадцати стран, проплыл Виктор двести метров на спине за 2 минуты 12,4 секунды!

И это уже недалеко до «мировых высот», только надо где-то «найти» две с небольшим секунды и думать, думать на тренировках о том, что есть на свете быстрые американские парни Грэф, Дилли, Манн, которые просто не сдадутся!

Были и другие победы. Одной из них Виктор очень гордится: сборная команда пловцов страны обыграла в футбол сборную команду легкоатлетов, лучшим форвардом признан Мазанов. Так что папа может гордиться.

Вот он идет на тренировку в бассейн, высокий, стройный, жизнерадостный парень. Очень ему хорошо сегодня. Как после рекорда. Тренер, как всегда сдержанный, спрашивает:

— Как дела, Витя?
— Отлично.
— Что?
— Химию — на «отлично»!

Тут тоже полный порядок, все как надо.

Он становится на тумбочку и прыгает в воду. Маленькие волночки плещутся о кафельные берега бассейна и подмигивают электрическими зайчиками. Зреет новый рекорд. Ничего неожиданного в нем не будет. Во всяком случае, для тех, кто хорошо знает Виктора, его характер.

Леониду Ленчу исполняется шестьдесят лет. Леонид Сергеевич — известный писатель-сатирик, автор многих полюбившихся читателям книг. Первая книга его рассказов вышла в «Библиотеке «Огонька» в 1936 году. Сегодня мы публикуем новый его рассказ.

Сигнал

Познакомился я с ним так. Дома у меня раздался звонок. Я открыл дверь — на пороге стоял невысокий, пожилой, но еще достаточно крепкий мужчина с лицом настолько непримечательным, что я не берусь его описывать: не за что зацепиться ни глазом, ни пером.

— Здравствуйте! — сказал он, приятно улыбаясь. Голос у него тоже был стандартного баритонально-тенорового тембра.— Я Сукоемов Степан Харитонович.

Фамилия эта была произнесена с чеканной твердостью, так, как если бы мой гость сказал: «Я Грибоедов Александр Сергеевич!» или: «Я Исаак Ньютон!»

Мне, однако, его фамилия ничего не говорила, и я сказал:

— Извините, но я вас не знаю.

— Зато я вас знаю! — ответил пришелец и стал запихивать меня в глубину передней.

Я слабо сопротивлялся его усилиям. Он нажал и вошел в переднюю целиком.

— Вы писатель, сатирик, а я читатель, мы должны общаться,— объявил Сукоемов с той же приятной улыбкой.— Иначе вы отстанете от жизни, не будете знать ее запросов и требований, начнете вариться в собственном соку, и критика вас сурово, но правильно осудит за это!

Я представил себе, как я варюсь, погруженный в большой медный чан, переворачиваясь с боку на бок, а критики, словно бесы в преисподней, толпятся вокруг, проверяют на вкус мою готовность,— и мне стало нехорошо.

— Проходите! — сказал я.— Будем общаться.

Мы прошли с Сукоемовым в комнату. Он удобно устроился в кресле, закурил и сказал снисходительно:

— Я хочу дать вам тему для рассказа.

Я затосковал, ожидая, что сейчас последует длинное, обстоятельное повествование о том, как ему, Сукоемову, недодали трех копеек сдачи при покупке кефира, или еще что-нибудь в таком же духе, но услышал совсем другое.

— Я правильный человек! — начал Сукоемов.— Все у меня в жизни было и есть правильно. И по линии служебной и по линии семейно-личной... Никогда ничего не делал и не делаю такого, что расходилось бы с указаниями и требованиями... И вот меня, правильного человека, теперь... будут судить!..

Помолчав, он сказал:

— В товарищеском суде жильцов дома, в котором я проживаю! Я хочу, чтобы вы пришли на этот, так сказать, «процесс» и потом расписали бы их как следует... Воткните им вилы в бок, вставьте фитиль или как там еще называется на вашем сатирическом языке?..

— Кому это «им», Степан Харитонович?

— Сейчас все узнаете!.. Ну-с, значит, так. Я нахожусь на заслуженном отдыхе, но порох в пороховницах у меня, смею думать, еще не отсырел. Во всяком случае, состояние общественной нравственности в масштабе нашего дома меня весьма и весьма интересует!.. Тем более, что квартира моя находится на втором этаже и из моего окна весь наш двор со всеми происшествиями отлично просматривается... Да и не только двор... Если разжиться полевым биноклем с цейсовскими стеклами, то такое...

Он посмотрел на мое лицо и поспешил пояснить:

— Поскольку печать требует: «Не проходите мимо!» Понятно?

— Понятно. Нельзя ли ближе к делу? — попросил я Сукоемова.

— Пожалуйста!.. Ну-с, значит, так. В нашем доме проживает одна такая молодая семейная пара. Он музыкант, исполняет на рояле все, вплоть до разных там фуг и анданте. На левые концерты, по имеющимся у меня данным, не ездит. Она раньше работала по библиотечной части, ныне домашняя хозяйка. Внешние ее данные находятся на высоком художественном уровне. В общем, красивая бабенка, чего там говорить!.. Еще имеется сынок Павел, ученик, учится неплохо, но драчун. Неоднократно я его одергивал окриками из окна, когда он во дворе, затевая драки с мальчишками, хватался за камни и палки... В общем, крепкая, положительная семья!..

— Давайте суть дела, Степан Харитонович! — снова прервал я излияния Сукоемова.

— Экий вы попыхач! — недовольно сказал Сукоемов.— Сейчас будет самая суть.. Ну-с, значит, так. Однажды уехал наш музыкант куда-то на гастроли. И вот — замечаю! — стал к его дражайшей ходить некий представительный, хорошо одетый, моложавый гражданин... Вроде как бы из номенклатурных... или такой, знаете, доктор наук... физик, он же лирик... поскольку как только прется через двор к своей красотке, так обязательно у него в руках букет цветов, а то и коробка с тортом. Она его потом провожает и уж так-то льнет к нему, пока не доведет до ворот, так льнет, что даже глядеть противно... хоть и интересно.— Тут Сукоемов осклабился, но, спохватившись, снова стал значительным и серьезным.— Не так, собственно, интересно, как необходимо с позиций охраны общественной нравственности... Как-то раз смотрю: войти-то в подъезд к ней этот самый доктор наук с букетом вошел, а обратно не вышел, хоть я до двенадцати часов ночи сидел у окна, караулил, ждал, тем более, что ночь была светлая и фонари горели. Как этот факт нужно было понимать? Только так, что процесс разрушения семьи доведен до своего логического завершения. Правильно мною вопрос поставлен?

Я пожал плечами и ничего не сказал Сукоемову, но это его не обескуражило, и он сам ответил на свой вопрос убежденно и твердо:

— Правильно!.. Через день или два, не помню уже, возвращается из гастролей музыкант. Встречаю его во дворе и, естественно, сигнализирую ему — в деликатных, конечно, выражениях, щадя его мужское самолюбие,— о неблагополучии в области его семейного очага. Музыкант бледнеет и спрашивает, кто «он», как выглядит. Объясняю ему, как выглядит «он», этот самый доктор наук с букетом. Краснеет, хватает меня за руку: «Идемте со мной!» Приходим в его квартиру. Отворяет она, смотрит на меня с удивлением. Музыкант говорит: «Папа сегодня у нас?» «У нас!» «Позови!» Я говорю: «Ну, если папа, тогда я пойду пока...» «Нет, постойте!» Выходит папа... без букета, с недоеденным куском пирога в руке. Музыкант докладывает ему про мой сигнал. Папа кладет пирог на подзеркальник, хватает меня за грудки и произносит с придыханием: «Если ты, старый козел, не извинишься сейчас же перед моей дочерью за свои гнусные подозрения, я спущу тебя с лестницы!» С большим трудом вырываюсь из железных папиных рук, заявляю протест, говорю, что деятелю науки не следовало бы мне тыкать, обзывать козлом и тем более хватать за грудки. Папа в ответ кричит, что он никакой не деятель наук, а рабочий, сталевар из Магнитогорска и что он жив не будет, а спустит меня с лестницы. Тут музыкант и его жена повисают на папе с двух сторон, и музыкант говорит, чтобы я скорей убегал, а то папа вырвется, и тогда мне будет крышка. Я, конечно, поспешил удалиться...

Помолчав, Сукоемов закончил с большим чувством:

— И вот теперь меня же будут разбирать на товарищеском суде жильцов!.. Позвольте, за что?! За то, что мой сигнал не подтвердился?! Ну и хорошо, что не подтвердился: семья, слава богу, оказалась неразрушенной. Но ведь намерения-то у меня были правильные и действовал я с глубоко принципиальных позиций! Что вы на все это скажете, товарищ сатирик? А?

— Если уж вам так хотелось подать музыканту свой сигнал, пожалуй, лучше было бы сначала проверить свои подозрения,— осторожно сказал я Сукоемову.

В его глазах цвета темной водочной бутылки зажегся недобрый огонек.

— Нет-с, милейший! — сказал Сукоемов с привычной, видимо, для него твердой убежденностью в своей правоте.— Мое дело — подать сигнал, а проверка — это дело, так сказать, инстанций. На этом стоял, на этом и стою... Ну, как, подходит тема?

— Подходит,— сказал я.

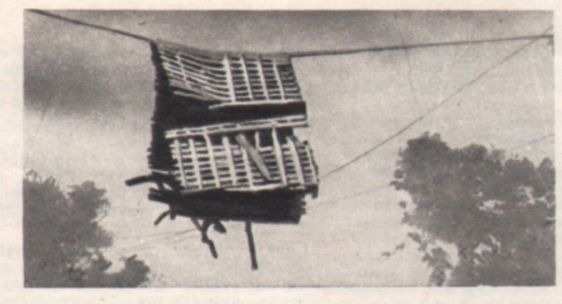
— Напишете о них?

Я пообещал Сукоемову написать. И, как видите, сдержал свое обещание.

НЕКОРОНОВАННЫЙ КОРОЛЬ

Пеликан по прозвищу Петрос — любимец всего населения греческого острова Миконос. Но вот жителям острова Тинос тоже захотелось иметь такого пеликана, и они украли Петроса. На Миконосе все пришло в движение. Вооружившись кто чем мог, жители острова устремились на лодках выручать любимца. Если бы не вмешательство властей, дело дошло бы до кровавой стычки. Все кончилось благополучно, и пеликан вернулся домой. Его возвращение вызвало огромную радость жителей острова, праздновавших это событие целых два дня.

А как же он попал на остров? Однажды буря забросила пеликана на Миконос, островитяне приютили потерпевшую бедствие птицу, и с тех пор признательный пеликан стал постоянным жителем острова. Популярность Петроса огромна: его изображение можно увидеть на издающихся на острове почтовых открытках, конвертах и на упаковочной бумаге. Петроса здесь называют некоронованным королем!

КРЫША НА ПРОВОДАХ...

О силе пронесшегося недавно над Северной Америкой урагана говорит следующее сообщение: вихрь, который обрушился на одно местечко в 25 километрах от Чикаго, перевернул автомобили, а крышу одного ресторана поднял на десятиметровую высоту и повесил на телеграфные провода.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

Наконец-то они нашли уединенное место.

— Ау-у!

— А из личного оружия можно!

— Немедленно перестаньте меня преследовать!

— Вот это я понимаю — культурно отдохнем!

Рисунки Б. Боссарта.

ЗЕВАЮТ ЛИ РЫБЫ?

Я давно увлекаюсь подводным плаванием, побывал в различных морях. Не менее интересен подводный мир наших рек и озер. Особенно любопытно следить за поведением рыб. Вот наступают сумерки, и рыбы начинают зевать. Видимо, их клонит ко сну, а может быть, таким движением рта они прочищают жабры. В этот момент я сфотографировал щуку и окуня.

Ю. АСТАФЬЕВ

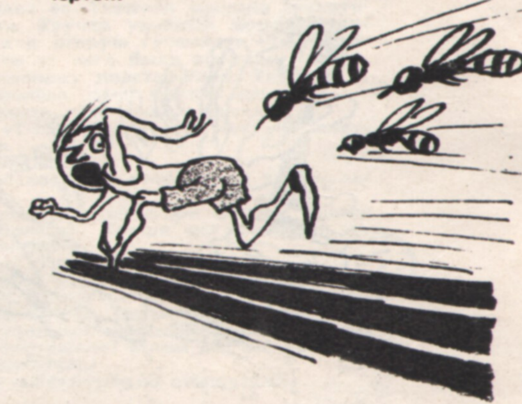
КРИК МОДЫ

Если бы кто-нибудь из мастеров, изготовлявших костюмы для шутов и скоморохов, в свое время увидел эти моды Запада, он, наверное, обогатил бы свою фантазию. Ему бы, безусловно, понравились женские брюки, демонстрировавшиеся в Нью-Йорке.

СЕКРЕТ РЕКОРДА

В Венесуэле, вблизи Каракаса, недавно проводился кросс. Судьи, болельщики и репортеры с нетерпением ожидали у финиша победителя. И вот из леса показался первый бегун. Его рекорд был встречен овациями. Но тут произошло нечто неожиданное. Чемпион, крича во весь голос, не сбавлял скорости и после финиша. Как выяснилось, на бегуна в пути напали осы, которые продолжали гнать его и за финишной чертой.

ЛЕТНИЕ ЛЫЖИ

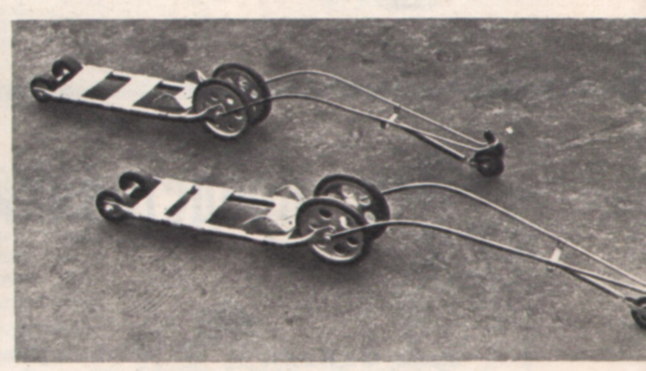
Лето в разгаре. По аллеям парка культуры и отдыха «Сокольники» мчатся лыжники, отталкиваясь палками с резиновыми наконечниками.

Такие необычные соревнования проходили на лыжероллерах, которые изготовили учебно-производственные мастерские Московского авиационного технологического института.

Лыжероллеры сделаны из дюралюминия. Каждая лыжа имеет пять колес на резиновом ходу. Два больших колеса снабжены тормозными устройствами, не позволяющими лыжам откатываться назад.

Н. МАКАРОВ

Фото Н. Федченко.

ПЛЫВИ, МОЙ ЧЕЛН...

Один житель Лондона решил покататься по Темзе на лодке. Вскоре ему надоело грести, он положил весла и, убаюканный волнами, заснул. Каково же было его удивление, когда, проснувшись, он услышал французскую речь. Оказалось, что, пока он спал, его лодка пересекла Ла-Манш.

Эти гнусные отравители

Ричард АРМОР

Рассказ

С того самого дня, когда был опубликован медицинский доклад об ужасных последствиях курения, я удвоил свои усилия, направленные на то, чтобы покончить с этой дурной привычкой. Но мне до сих пор приходится глотать дым, хотя я давно уже не подношу сигарету ко рту.

Понимаете ли, я вынужден с утра до вечера дышать чужим дымом. Конечно, я к этому не стремлюсь. Просто, куда бы я ни пошел, кто-нибудь рядом обязательно курит. Единственный способ избежать дыма — это прекратить дышать. Но такую крайнюю меру не рекомендуют даже врачи.

Я делаю все, что в моих силах, чтобы избежать курящих. Если, например, мне приходится ехать поездом, я всегда сажусь в вагон с табличкой «Курить воспрещается». Но — увы! — табличка не является столь авторитетной, как, скажем, дорожный знак «Стоянка запрещена». Я ни разу не видел, чтобы полицейский оштрафовал лицо, попыхивающее сигаретой под табличкой «Курить воспрещается».

В самолетах, где не существует вагонов для некурящих, я обычно оказываюсь втиснутым между двумя джентльменами с сигаретами в зубах. Если мой ряд находится справа, то джентльмен, сидящий у окна, выпускает дым из левой стороны рта, а тот, кто сидит у прохода, выпускает дым из правой стороны рта. Чтобы избежать этой перекрестной атаки, мне приходится держать голову между коленями и дышать под креслом. Не раз добросердечные соседи истолковывали мои действия превратно. «Вот возьмите», — говорили они мне сочувственно, протягивая бумажный гигиенический пакетик.

Курящие, как мне удалось заметить, особенно много курят, когда думают. В минуты интенсивной мозговой деятельности, вместо того чтобы водить карандашом по листку бумаги или по скатерти, они прищуривают глаза, поджимают губы и выпускают длинную, непрерывную струю дыма в лицо некурящего на расстоянии восьми — десяти футов. В тот момент, когда курящий прищуривает глаза, некурящий должен сделать то же самое, но не для того, чтобы принять проницательный или задумчивый вид, а чтобы предохранить свои глаза от дыма.

Подобные курящие мыслители встречаются чаще всего на собраниях и заседаниях. Припоминаю недавний диспут «круглого стола» при нашей церкви. Это был диспут на тему «Думай о других». Поскольку тема предполагала работу мысли, появились спички, сигареты, поджатые колечком губы и задумчивые струи дыма. Одна из некурящих дам, к тому же ожидающая ребенка, вдруг побледнела и поспешно вышла из комнаты. Она не вернулась и поэтому не могла услышать призывы участников диспута быть внимательными к ближним в повседневной жизни.

Если можно говорить о том, когда чужой табачный дым доставляет мне наименьшее удовольствие, так это во время еды. Любопытно, что моим соседом в закусочной всегда бывает заядлый курильщик, не выпускающий сигареты изо рта, а вентилятор всегда относит дым как раз в моем направлении. Когда я начинаю уклоняться от струи дыма, меня принимают за пьянчужку. «Надо же так нализаться с самого утра», — презрительно бросает мой сосед и от раздражения закуривает новую сигарету.

Иногда мой сосед по столику, не докурив сигареты, сует ее в пепельницу. Сигарета лежит там и тлеет, испуская едкий дым. Я не осмеливаюсь потушить ее, поскольку это все еще его сигарета и ему может прийти в голову еще разок затянуться. Поэтому мне остается лишь ждать, пока окурок дотлеет до конца. Я смотрю на него, как на тлеющий бикфордов шнур, а в это время сосед закуривает следующую сигарету, и свежий дым смешивается с ядовитой копотью окурка. Получается какой-то мерзостный коктейль запахов...

Я много думал о том, как бороться с курильщиками. Можно, конечно, обзавестись пульверизатором, заполнить его смесью чеснока, сыра «Рокфор» и аммиака и пускать его в ход в ответ на каждое враждебное облачко табачного дыма. Подобная смесь, очевидно, будет так же неприятна курильщику, как мне его дым. Но я не думаю, что смогу этим способом приучить курильщиков считаться с другими. Применение более действенных средств, таких, например, как огнестрельное оружие, может поставить меня вне закона. Но, наверное, и эта крайность не сможет принудить курильщиков отказаться от столь им приятной и столь гнусной привычки.

Перевел с английского В. Качанов.

Москвичи

Рассказ

Борис ЛАСКИН

Это было в Африке, в Дакарском аэропорту. В знойный полдень заправщики и механики снаряжали в дальний путь четырехмоторный лайнер авиакомпании «Эр Франс», на котором нам предстояло лететь через Атлантику.

Я сидел в садике перед зданием аэропорта, в тени невысокой пальмы, и прилежно изучал наставление к пользованию фотоаппаратом «Зоркий».

Подняв глаза, я увидел сидевшего напротив мужчину средних лет в светло-сером костюме и в шляпе из соломки. Мужчина смотрел на меня с явно выраженным интересом. Улыбнувшись, он кивком указал на мой фотоаппарат.

— «Зоркий». Экстра-класс!

— Йес, — согласился я по-английски. — Уй, — подтвердил я по-французски и уже для верности добавил по-русски: — Да. Очень хороший аппарат!

Через минуту мы познакомились. Василий Алексеевич М., работник советского посольства в одной из стран Южной Америки, летел домой в Москву, в отпуск.

— Вот где пришлось москвича увидеть, — весело сказал Василий Алексеевич, — в Африке!

— Да. Действительно. Тесен мир.

— Вы из Москвы, я в Москву. Встретились, как в Курске на перроне. — Василий Алексеевич взглянул на часы. — Вот что, земляк, отложи-

Что представляют собой памуры?

Ласло ФЕЛЕКИ

Мой друг Шани недавно вернулся из заграничного туристского путешествия. Он провел две недели в самой Памурии! Должен откровенно признаться, я с большим волнением ожидал его. Меня не интересовали маленькие, но приятные знаки внимания — бритвенные лезвия, чай или зажигалки, меня прежде всего интересовали рассказы о далеком, неизвестном мире. Да, великое дело — увидеть новые земли, познакомиться с новыми людьми, обогатиться новыми впечатлениями! Мы расспрашивали Шани, как Колумба, Магеллана или Миклухо-Маклая. Меня никогда не интересуют шаблонные достопримечательности, которые легко найти в путеводителях для туристов. Люди, живущие под дальними небесами, — вот о чем я хотел узнать. И я спросил Шани:

— Скажи, а какие они люди, эти памуры?

Он глубоко вздохнул и слегка сдавленным голосом начал повествовать:

— Памуры — дружелюбный, гостеприимный народ. Их можно разделить на мужчин и женщин. Я заметил, что есть среди них старые и молодые, совсем юные и совсем старые. Самых юных возят в детских колясочках, самых старых — в креслах на колесиках. Обычно у них по две ноги, по две руки, по два глаза, по два уха, но ни у кого я не заметил больше одного рта и одного носа.

Памуры — народ, способный к учению. Для этой цели у них выделены специальные здания, так называемые школы. Странно, что дети памуров учатся неодинаково: некоторые лучше, некоторые хуже. Многие дети любят играть в футбол, драться, нередко занимаются бросанием камней в окна, сделанные из стекла.

те-на свою техническую литературу. Полетите над океаном, там и освоите эту фотопремудрость. А сейчас мы с вами пройдем на веранду, попьем чего-нибудь холодненького, и вы мне расскажете о Москве...

На веранде было многолюдно.

— Вот, кажется, два свободных места.

За круглым столиком сидел молодой африканец. Он пил кофе и рассеянно перелистывал французский иллюстрированный журнал.

— Простите, эти места свободны? — спросил по-французски Василий Алексеевич.

Африканец вежливо кивнул и углубился в журнал.

Нам принесли ледяного джуса, и после первого же глотка Василий Алексеевич начал задавать вопросы.

— Все наши газеты и журналы мы в посольстве получаем,— пояснил он.— Но одно дело — печать, а другое — живая беседа.

Василий Алексеевич спрашивал, а я отвечал. Его интересовало все: и как выглядит Новый Арбат, и как называется последняя премьера в театре Вахтангова, и как сыграл «Спартак» с ростовскими армейцами...

Я едва успевал отвечать.

— Ну и жара! — сказал Василий Алексеевич и с шутливым укором взглянул на нашего собеседа-африканца, словно именно от него и зависело поведение ртутного столбика.— Я вот глаза закрою и представляю себе: иду по своей Красной Пресне, спускаюсь в метро, выхожу на станции «Парк культуры» и прямым ходом напротив — в открытый бассейн «Москва»...

— «Чайка»,— уточнил я.— Этот бассейн называется «Чайка».

— «Москва»!

— Вы ошибаетесь,— сказал я.

— Нет, это вы ошибаетесь,— покачал головой мой собеседник,— вы москвич, и я москвич. Правда, я из Москвы давно, а вы там были вчера, но все же прав я.

— Нет!.. Открытый бассейн напротив станции метро «Парк культуры» называется «Чайка».

— Давайте спорить! — Василий Алексеевич протянул мне руку.— Давайте. Попросим соседа, он разнимет...

Наш сосед по столику отодвинул пустую чашку и, приветливо, почти нежно взглянув на Василия Алексеевича, сказал по-русски:

— Я прошу извинить, но товарищ прав. Бассейн «Москва» там, где станция метро «Кропот-кин-ская».

Василий Алексеевич, открыв рот, посмотрел на меня. Я со столь же осмысленным выражением лица посмотрел на него. Если бы наш сосед, отделившись от стула, поплыл по воздуху, мы, вероятно, удивились бы значительно меньше.

Вмешательство молодого африканца было настолько неожиданным, что мы с Василием Алексеевичем продолжали смотреть друг на друга, хлопая глазами и не произнося ни слова.

— Позвольте,— сказал наконец Василий Алексеевич,— а вам-то это откуда известно?

— А я москвич! — сказал негр и подарил нам ослепительную улыбку.— Я купался в этот бассейн. Я студент Университета имени Патриса Лумумбы. Я сейчас возвращаюсь в Москву.

— Товарищи дорогие! Это что ж такое делается! — засмеялся Василий Алексеевич.— Выходит, кругом одни москвичи!..

Через полчаса Василий Алексеевич и студент-африканец улетели в Москву.

Спустя пятнадцать минут стартовал и наш лайнер.

Откинувшись в кресле, я вспомнил о нашей встрече и улыбнулся.

— Вспомнили что-нибудь приятное, месье?— не без лукавства спросила стюардесса.

— Уй, мадемуазель,— сказал я,— да!..

Посмотрев в окно, я увидел внизу, под крылом самолета, зеленоватый необозримый простор океана.

„ТИГР" и „МОСЬКА"

Накануне двадцатилетия Победы над фашистской Германией мне довелось беседовать с бывшим командиром танковой бригады, Героем Советского Союза полковником Кошаевым. Вспоминая свой боевой путь, Николай Михайлович рассказал об одном случае, происшедшем в дни боев на Курской дуге. Это очень любопытная история, и я решил записать ее.

...Радист поднял голову:

— «Т-70» на запросы не отвечает.

Что могло случиться? Десять минут назад, когда колонна остановилась, Кошаев услышал справа от дороги подозрительный шум моторов. Наши? Но здесь не должно быть наших танков.

Послали на разведку маленький танк «Т-70». В сущности, это даже не танк, а танкетка. Экипаж — всего два человека. Вооружение — малокалиберная пушечка. Но зато скорость вне конкуренции.

...Танкетка на полном ходу влетела в ложбину. И вдруг навстречу выполз немецкий «тигр». Развернуться и уйти? Но «тигр» слишком близко. Он не спеша поворачивает башню. Через несколько секунд мощная пушка выплюнет снаряд, и... Второго выстрела уже не потребуется. Что делать? И тут наши ребята решились на отчаянный шаг. Включив мотор на полные обороты, они бросили свою крохотную машину на «тигра».

Немцы, наверное, удивились: на что рассчитывают эти безумцы? Подойдя к «тигру» вплотную, танкетка оказалась в «мертвой зоне», недоступной орудию противника. Немецкая машина даже остановилась — по-видимому, ее экипаж оторопел от неожиданности. Но вот яростно взревели моторы. «Тигр» решил раздавить танкетку.

Наши ребята угадали маневр врага и увернулись в сторону. «Тигр» сделал разворот. И опять танкетка ушла от его грозных гусениц. Это был страшный поединок великана и карлика. Танкетка крутилась вокруг «тигра», выскальзывала из-под его тяжелой туши.

Наша малютка, задев сбоку гусеницу «тигра», сорвала ее. Тяжелая машина завертелась на месте. Улучив удобный момент, танкетка сорвала и вторую гусеницу. «Тигр» замер. Но отойти от него было все-таки нельзя. Орудие по-прежнему подстерегало. Так они и стояли, бессильные, один против другого.

Тут и подошли три наших танка.

— «Т-70»! «Т-70»! Живы или нет? — прозвучало по радио.

— Так точно, живы.

— Ну так отходите в сторону, не то вас зацепим.

— Не можем мы отойти. Он же нас одним выстрелом разнесет. Лучше мы скроемся за «тигром», а вы бейте.

Ударил залп. «Тигр» загорелся.

Долго потом в бригаде смеялись. А это был подвиг. Обоих танкистов наградили орденами.

— Вот жаль только, запамятовал я фамилии этих ребят,— заключил рассказ Николай Михайлович.— Где они нынче? Живы ли? Вы напишите, может, отыщутся...

А может, и действительно отыщутся?..

А. АВДЕЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДЫМА

Рисунки Л. Сихарулидзе.

Мне удалось узнать, что памуры занимаются самой разнообразной деятельностью. Встречаются среди них земледельцы и рабочие, геологи и шоферы, продавцы лотерейных билетов и оперные певцы, астрономы и кассиры, футбольные тренеры и карманные воры, пилоты и портные, электрики и профессора, журналисты и подметальщики улиц, окулисты и горные инженеры.

Они очень любят черный кофе. В кофе иногда кладут сахар. Жажду памуры утоляют различными жидкостями. Самая значительная по содержанию влажности — вода. Воду, кроме того, применяют для тушения пожара и мытья. Некоторые памуры любят посплетничать, не всегда говорят друг о друге только хорошее и иногда рассказывают анекдоты. Голод утоляют едой. Случается, что памуры жалуются на качество какого-либо продукта. Нередко я слышал жалобы на медленное обслуживание в магазинах, на халатность по отношению к покупателям. Городской транспорт у них часто бывает переполнен, особенно в так называемые часы «пик». В это время памуры иногда забывают о своем традиционном хладнокровии, и между ними происходят стычки. В памурской литературе сейчас кризис в жанре романа. Памурские фильмы довольно слабы, но больше всего памуры жалуются на „своих поэтов. Их совершенно невозможно понять. А поэты, напротив, гордятся тем, что добились полного отсутствия смысла в своих стихах.

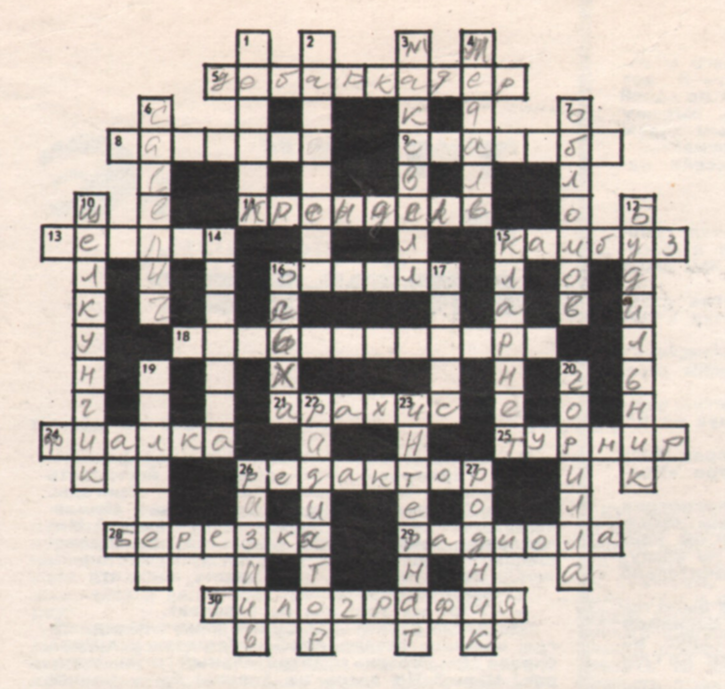
Повсюду я ходил с широко открытыми глазами. Я заметил, что памуры живут в домах, зимой одеваются тепло, а летом легко, во время дождя носят зонты и плащи, на ноги надевают ботинки и дышат легкими. Иногда они нервны, иногда спокойны, иногда грустны, иногда веселы, а когда простуживаются, то чихают и кашляют.

Если бы я не видел все это своими глазами,— добавил Шани в ответ на наши взгляды, в которых ясно читалось сомнение,— я бы и сам никогда не поверил.

— Интересный народ,— задумчиво проговорил я.

Перевела Е. Тумаркина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Плавучая пристань. 8. Украинский танец. 9. Рассказ А. П. Чехова. 11. Вулочное изделие. 13. Приток Енисея. 15. Кухня на корабле. 16. Советский востоковед. 18. Порт в Швеции. 21. Земляной орех. 24. Цветок. 25. Спортивное соревнование. 26. Руководитель издания. 28. Хореографический ансамбль. 29. Сочетание радиоприемника с проигрывателем. 30. Предприятие полиграфической промышленности.

По вертикали:

1. Птица семейства фазановых. 2. Постоянная величина в математике в условиях данной задачи. 3. Единица измерения магнитного потока 4. Знак отличия, награда. 6. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 7. Роман И. А. Гончарова. 10. Балет П. И. Чайковского. 12. Настольные часы. 14. Рамка с валиком для бумаги в пишущей машинке. 15. Музыкальный инструмент. 16. Лиственное дерево или кустарник. 17. Снежный барс. 19. Хлопчатобумажная ткань. 20. Обезьяна. 22. Теплообменный аппарат. 23. Учебное заведение. 26. Картина И. И. Левитана. 27. Водный источник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

7. Гвоздика. 8. Арматура. 9. Мичуринск. 10. Норка. 12. Актив. 14. Октет. 17. Артишок. 18. Таганай. 19. Эмблема. 21. «Деревня». 25. Рампа. 26. Аркан. 28. Карта. 29. Атмосфера. 30. Фирдоуси. 31. Медиатор.

По вертикали:

1. Светофор. 2. Юдома. 3. Гадулка. 4. Манизер. 5. Балка. 6. Пробирка. 11. Кириллица. 13. Канарейка. 15. «Норма». 16. Макет. 20. Монровия. 22. Нестеров. 23. Газолин. 24. Апофема. 27. «Набоб». 28. Калий.

На первой странице обложки: Листва владеет улицами Кишинева. А в Пушкинском парке еще и фонтаны...

На последней странице обложки: В Бендерах рядом с рощами тутовых деревьев находится крупнейший в республике шелковый комбинат. Тамара Бондаренко работает на нем сновальщицей.

Нежны и сладки эти яблоки. Виноградники и сады—главное богатство молдавской земли.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02022. Подписано к печати 28/VII 1965 г.
Формат бум. $70 \times 108\frac{1}{8}$. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1 906. Тираж 1 850 000. Изд. № 1 374.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ю. КРИВОНОСОВ

Добрые волшебники

Зеленый автобус свернул с просторной магистрали и запетлял по узеньким закрученным дорожкам, взбираясь все выше по горному склону. На бесчисленных поворотах море бросало пронзительно-голубые взгляды то в одни, то в другие окошки проворного автобуса. Потом он скрывается за плотной изгородью кипарисов и резко тормозит у небольшого рабочего поселка. Тотчас же со всех сторон к нему бросаются ребятишки, шлепая по камням босыми пятками.

Театр приехал!

Пока ставится ширма и за ней идут таинственные приготовления, малыши шумно рассаживаются и, вытянув шеи, замирают в радостном ожидании сказки.

А какая сказка бывает без волшебника?

Вот он и появляется наконец перед ними со своим чудесным мешком, в котором полным-полно подарков, совсем как у деда Мороза. Только тот приходит зимой, а этот летом, и подарки у него необыкновенные — это куклы, сразу оживающие в руках этого доброго чародея и других, которые прячутся за ширмой.

И начинаются веселые приключения семерых козлят, или Ивана-царевича, или храброго дедушки, не побоявшегося самого свирепого ветродуя Сиверко.

Каждый год с весны до осени разъезжает по всему Крыму зеленый автобус областного театра кукол. Его можно встретить в пионерском лагере и колхозе, в рабочем поселке и в парках, раскинувшихся вокруг чудесных дворцов-санаториев, где полвека назад выступал перед каким-нибудь капризным барчуком старый шарманщик дедушка Лодыжкин со своими друзьями — акробатом Сережкой и белым пуделем Арто. Зрителей теперь здесь многие тысячи, поэтому и приходится артистам играть по два-три раза в день. И хотя за летний сезон спектаклей бывает сыграно около тысячи, во все места все-таки попасть не удается, потому что весь Крым теперь — настоящее ребячье царство.

За полчаса до спектакля.

Безбилетники устроились с комфортом.

И оживает веселая сказка.

А теперь можно самим потрогать кукол.

Дядя Волк — артист Александр Борисов.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663